B-61

Библиотека П. Л. Михайловского
Шк. 5 IV полка 6 № 22

149

В-61

ДЛЯ ОТЗЫВА.

Гр. Е. М. де-Вогюэ.

Максимъ Горькій

КАКЪ

ПИСАТЕЛЬ и ЧЕЛОВѢКЪ.

Переводъ Ал. Ачкасова.

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

1334/8.сл.

Ден. Гос. Ун-т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

Изданіе книжнаго склада Д. П. Ефимова.

Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

Дозволено цензурою. Москва, 14 марта 1902 г.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.

1902.

Максимъ Горькій

какъ писатель и человѣкъ.

Графа Евгенія Мельхіора де Вогюэ *).

М. Горькій, Разсказы, 4 т., изд. товарищества „Знаніе“ Спб. 1901.— В. О. Боцановскій, Максимъ Горькій, критико-біографическій этюдъ I т. Типогр. Суворина, Спб. 1901.

Сегодня я хочу снова войти въ необозримый темный русскій лѣсъ. Далеко я успѣлъ уйти съ тѣхъ поръ, какъ его оставилъ, и вотъ теперь, у самого конца моего пути, онъ опять зоветъ меня къ себѣ. Его заволакиваютъ густые туманы прожитыхъ лѣтъ. О чемъ тамъ говорятъ, о чемъ думаютъ въ этихъ нѣдрахъ непроглядnаго мрака? Получили-ли новый текстъ старыя пѣсни, что каждую ночь распѣваются по рѣкамъ и степямъ столькими милліонами голосовъ,— печальныя пѣсни, полныя разрывающей душу скорби? Только одни эти вздохи нѣмого дремлющаго гиганта и показываютъ намъ, что у него бьется сердце.

Западъ воображаетъ, что онъ знаетъ кое-что о Россіи съ тѣхъ поръ, какъ мы стали

---

*) Revue des deux mondes, livre du 1-er août 1901.

чаще и быстрѣе бродить по опушкамъ этого лѣса. Немного слышнѣе, чѣмъ прежде, доносится до насъ шумъ его первыхъ деревьевъ: шумъ маленькой горсточки людей, говорящихъ и двигающихся по поверхности этой молчаливой неподвижной громады; витіи прессы, офиціальныя распоряженія, разнообразные факты внѣшней политики, толки чиновниковъ наверху и недовольныхъ внизу,—тѣхъ, о которыхъ Іовъ сказалъ, что они „проклинаютъ день и готовятся разбудить Левіафана... Можешь ли ты,—замѣчаетъ мудрецъ,—удою вытащить Левіафана? Бегемотъ ложится подъ тѣнистыми деревьями, подъ кровомъ тростника и въ болотахъ... Вотъ онъ пьетъ изъ рѣки и не торопится, остается спокоенъ, хотя бы Іорданъ устремился ко рту его“... Какъ мало значатъ всѣ эти русскіе, голоса которыхъ доносятся до насъ: меньше, чѣмъ ничего. Не они, а Левіафанъ интересуетъ насъ, и его-то мы почти совсѣмъ не знаемъ вотъ уже больше полсотни лѣтъ.

Въ началѣ одного изъ своихъ разсказовъ, авторъ, о которомъ я поведу здѣсь рѣчь, разсказываетъ, какъ онъ прочелъ въ газетѣ о смерти своего друга, мужика Коновалова, повѣсившагося въ тюремномъ замкѣ, и дѣ-

лаетъ при этомъ слѣдующее многозначительное замѣчаніе: „я прочиталъ эту краткую замѣтку петитомъ,—сообщенія о гибели маленькихъ людей принято печатать мелкимъ шрифтомъ“. Вся исторія громаднаго русскаго народа со дня на день пишется—на газетныхъ столбцахъ, печатаемыхъ мелкимъ шрифтомъ: изслѣдователи европейской прессы никогда туда не заглядываютъ.

Только немногіе писатели могутъ намъ помочь въ этомъ дѣлѣ; тѣ, которые посвящены въ тайны народной жизни и умѣютъ выливать въ слова безсознательные порывы громадной массы ихъ сограждан. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже двадцать лѣтъ на горизонтѣ русской литературѣ не появлялось ничего подобнаго, если не считать, само собою разумѣется, Толстого. Этотъ фактъ откровенно признается русскими критиками и сказывается во всеобщихъ жалобахъ на время, прозванное „сѣренькимъ скверным временемъ“. Красивые однодневные цвѣтки маскируютъ скудность невоздѣланной земли; на этой землѣ, скрывшей въ своихъ нѣдрахъ великихъ покойниковъ, возвышается только одинъ старый дубъ, еще прикрывая ее своею величественною тѣнью.

Въ послѣднее время, читая въ газетахъ печальныя вѣсти, весь цивилизованный міръ находится подъ гнетомъ страха потерять человѣка, которымъ онъ гордится, несмотря даже на то, что этотъ человѣкъ относится къ нему отрицательно. Теперь можно надѣяться, что роковая развязка отсрочена. Левъ Толстой продолжаетъ творить. Возрастъ не ослабилъ остроты этого взора, провидящаго душу въ каждомъ движеніи человѣка: она замѣтна на многихъ страницахъ *Воскресенія*. Но зачѣмъ апостолъ-реформаторъ такъ часто убиваетъ въ немъ художника? Толстой, все болѣе и болѣе приближающійся къ нашему Руссо, изо всѣхъ силъ старается найти религіозную и соціальную формулу того новаго откровенія, которое, по его мнѣнію онъ принесъ людямъ. Его вліяніе, говорятъ, громадно; охотно вѣрю этому, но уже потому, что онъ поучаетъ насъ съ слишкомъ большой высоты, онъ не видитъ такъ хорошо, какъ прежде, тѣ тайники, обнаруженіе которыхъ необходимо для пониманія жизни общества, и именно вслѣдствіе того, что онъ былъ очень вѣрнымъ зеркаломъ предшествующихъ поколѣній, можно сомнѣваться, чтобы онъ отра-

жалъ съ такою же вѣрностью поколѣніе современное. Вспомните Виктора Гюго: ему курили ѳиміамъ подъ конецъ его дней, его не лишили занятаго имъ перваго мѣста, онъ продолжалъ служить въ глазахъ міра представителемъ литературной Франціи: но онъ не былъ уже представителемъ умовъ, искавшихъ иныхъ идеаловъ, на иныхъ путяхъ. Неизбѣжное вліяніе времени не щадитъ никакой власти: и властитель мысли, вещь не прочная, оправдываетъ болѣе, чѣмъ что-либо другое слово баснописца: ихъ вліяніе поздно обнаруживается и не долго длится. Имъ продолжаютъ поклоняться, за ними сохраняютъ право на почетъ высшаго ранга, но сила выражать вѣянія новаго времени исчезаетъ у нихъ.

Среди добившихся великаго наслѣдія блеснули на мигъ молодые таланты Потапенка и Короленка: казалось, какъ показываютъ ихъ имена, Малороссія хотѣла дать своей старшей сестрѣ новую литературную династію. Въ настоящее время г. Чеховъ удачнѣе, чѣмъ кто-либо другой, наводитъ скорбь на тѣхъ, кто любитъ поскорбѣть, своими суровыми, мрачными иллюстраціями жизни. Особенный успѣхъ стяжалъ онъ въ теа-

тральной залѣ, но я не имѣлъ удовольствія видѣть его пьесъ, и, потому лишенъ права говорить о нихъ.

Явился соперникъ, который борется съ нимъ за славу. Прошло только три года со дня появленія перваго тома разсказовъ Максима Горькаго и уже прочно установилась его извѣстность: такъ быстро расцвѣтаютъ цвѣты скоротечною русской весною. У него уже есть въ Россіи пламенные поклонники, начинаютъ его переводить и за границей. Критики, не зараженные общимъ энтузіазмомъ, въ родѣ, напр., г. Меньшикова, утверждаютъ, что онъ своимъ успѣхомъ обязанъ исключительности своего положенія: Горькій—чистѣйшій самоучка, человѣкъ ничѣмъ не обязанный школѣ: онъ самъ образовалъ себя съ великимъ трудомъ въ свободное отъ физической работы время. Онъ внезапно поднялся изъ тѣхъ народныхъ низинъ, которыя онъ описываетъ. Такого рода таланты, не вкусившіе классическаго образованія, обладаютъ иногда грубою силой; они какъ бы облекаются первобытною мощью того народа, который ихъ выслалъ изъ своей среды: Вельо, Прудонъ представляютъ намъ замѣчательные при-

мѣры такого явленія. Оно встрѣчается чаще въ Россіи, чѣмъ у насъ; въ литературной карьерѣ Горькаго оно представляется столь необыкновеннымъ и рискованнымъ, что сильно возбуждаетъ общее любопытство.

Только что я прочиталъ четыре тома сочиненій этого скороспѣлаго и плодовитаго автора: маленькіе разсказы и болѣе длинныя новеллы, все, что онъ успѣлъ помѣстить за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ въ русскихъ журналахъ. Критико-біографическій этюдъ г. Боцановскаго—у Горькаго есть уже біографы—знакомитъ насъ съ его жизнью и личностью. Оставляю на отвѣтственности этого превосходнаго моего путеводителя тѣ свѣдѣнія объ этой безпокойной жизни, которыя онъ сообщаетъ намъ. Провѣрка свѣдѣній вещь не легкая въ Россіи: недавно распространились печальные слухи о перемѣнѣ въ судьбѣ Горькаго... Онъ просто-на-просто, оказывается, хворалъ въ Нижнемъ; теперь газеты сообщили, что онъ, къ счастью, выздоровѣлъ и всецѣло предался труду.

Каковы же силы писателя, на котораго его поклонники возлагаютъ столь большія надежды? Чѣмъ связанъ онъ со своими ве-

ликими предшественниками и чѣмъ отъ нихъ отличается? Что даетъ онъ новаго и въ какихъ отношеніяхъ стоитъ къ народу, истолкователя котораго желаютъ въ немъ видѣть? Вотъ вопросы, главнымъ образомъ, занимающіе насъ, и на нихъ я попытаюсь здѣсь отвѣтить.

I.

Его настоящее имя—Алексѣй Максимовичъ Пѣшковъ. Имя мертворожденное,—оно навсегда останется погребеннымъ въ приходскихъ спискахъ. Россія знаетъ своего молодого любимца только подъ его псевдонимомъ „Максимъ Горькій“. Горько, въ самомъ дѣлѣ, было его дѣтство. Онъ родился въ 1869 году въ Нижнемъ Новгородѣ, въ мастерской красильщика. Предки его, быть-можетъ, представятъ собою интересный матеріалъ тѣмъ отважнымъ психологамъ, которые во всякомъ дарованіи готовы видѣть мрачные слѣды атавизма. Его дѣдъ по отцу, офицеръ одного изъ Сибирскихъ полковъ, такъ жестоко обращался съ солдатами, что былъ разжалованъ императоромъ Николаемъ. Своею жестокостью этотъ тиранъ до того угнеталъ своего сына, что тотъ, будучи еще

юношей, бѣжалъ отъ него и пѣшкомъ пробрался изъ Тобольска въ Нижній, гдѣ и поселился и сталъ добывать себѣ скудныя средства къ жизни трудомъ ремесленника. Отецъ Горькаго женился на дочери богатаго негоціанта „самокруткой“, противъ воли ея семейства. Этотъ богатый купецъ, дѣдъ писателя со стороны матери, былъ сначала простымъ бурлакомъ и благодаря своему уму и энергіи составилъ себѣ значительное состояніе. Авторъ вспоминаетъ о немъ въ своемъ „Ѳомѣ Гордѣевѣ“. Онъ взялъ у него нѣкоторыя черты, характеризующія старыхъ московскихъ купцовъ.

Богачъ разорился, родители Алексѣя скончались, оставивъ сына совсѣмъ еще ребенкомъ. Покинутый своими родственниками, сирота былъ взятъ изъ школы, въ которой пробылъ всего только 5 мѣсяцевъ, и отданъ въ ученье къ сапожнику. Но здѣсь онъ пробылъ очень недолго. Скоро инстинктъ бродяги и суровый вѣтеръ нищеты понесли малое сѣмячко вдоль по Волгѣ.

Съ этого дня, можно сказать, эти по-истинѣ материнскія воды овладѣваютъ воображеніемъ Горькаго: въ нихъ онъ черпаетъ богатый матеріалъ для своихъ грезъ. Онъ

нашелъ въ нихъ свою новую родину, единственную, съ которою не порветъ никогда духовныхъ связей. Онъ нашелъ ее между берегами, гдѣ течетъ необозримая равнина рѣки, вырвавшись изъ необозримыхъ лѣсовъ, рѣки русской, по преимуществу — величественной и дикой, свободной и печальной, гостепріимно принимающей всѣхъ лишенныхъ очага, непокорная порабощающему рѣки человѣку, пріютъ изгнанникамъ, подвижное жилище бунтовщиковъ, Стенекъ Разиныхъ и Пугачевыхъ, путь, на которомъ люди ускользаютъ отъ ярма закона, дорога, по которой плывутъ тысячи бродягъ, тысячи безпокойныхъ сердецъ, стремящихся по ея зеленымъ волнамъ къ свободѣ, къ таинственной Азіи. Большинство только что прочитанныхъ мною разсказовъ имѣютъ мѣстомъ своего дѣйствія Волгу: они окутаны ея туманами, они наполнены ея журчаніемъ; ихъ дѣйствующія лица живутъ на ея берегахъ или плаваютъ на ея судахъ, баркахъ, плотахъ. Нигдѣ нѣтъ точнаго указанія мѣста, зачѣмъ оно? Горькій рисуетъ бродягъ, у которыхъ нѣтъ очага. Мимоходомъ онъ срисовываетъ ихъ тамъ, гдѣ видитъ, но не трудится называть этого мѣста: какой-ни-

будь пейзажъ, описаніе какого-нибудь обычая, мѣстный акцентъ даютъ только понять, что мѣсто дѣйствія находится между Астраханью и Нижнимъ. Рѣку онъ оставляетъ только ради моря, второй его страсти: море онъ не устаетъ изображать и изображаетъ его намъ обаятельнымъ, внушающимъ отвагу и чувство независимости тѣмъ существамъ добычи и труда, о которыхъ онъ ведетъ свой разсказъ и съ которыми сталкивается на морскомъ берегу. Волга и море, два его воспитателя, рано внушили ему живое чувство природы, пробили въ немъ родникъ поэзіи и ему стоило только окунуться въ этотъ родникъ, чтобы выйти изъ той человѣческой грязи, въ которой находитъ удовольствіе его жестокій реализмъ.

Поступивъ поварешкомъ на одно изъ рѣчныхъ судовъ, мальчикъ попалъ подъ руководство неожиданнаго наставника, пароходнаго повара Михаила Смураго. Этотъ старый унтеръ-офицеръ, колоссъ удивительной силы и очень сварливый человѣкъ, имѣлъ страсть къ чтенію. У него былъ ветхій сундукъ, полный книгъ: это была эклектическая библіотека, въ которой Гоголь и Некрасовъ братались съ „Житіями святыхъ“,

„Камнемъ вѣры“, народными разсказами и разсказами изъ русской исторіи. Смурый сообщилъ свои вкусы повареику: въ этомъ послѣднемъ пробудилось горячее любопытство къ литературному слову. Его воображеніе полетѣло навстрѣчу очаровательному міру, вышедшему изъ стараго сундука; предъ нимъ раскрылся этотъ новый міръ, который долженъ былъ быть дѣйствительнымъ, потому что былъ такимъ желаннымъ, такимъ прекраснымъ,—міръ, въ которомъ святые творили чудеса, а историческіе герои и персонажи романовъ совершали сказочные подвиги.

Настраиваемый поваромъ на романтическій и лирическій ладъ, будущій писатель учился реализму у самой жизни. Она взяла на себя трудъ безпощадно показать ему, что дѣйствительность вовсе не сестра грезы. Оригинальная личность Горькаго сложилась среди этихъ жестокихъ, болѣзненныхъ контрастовъ, среди стремленій, внушенныхъ ему его первыми чтеніями, и уроковъ, преподанныхъ ему условіями дѣйствительнаго существованія. Судьба рано и надолго завербовала его въ армію голышей, босяковъ, бродягъ, всѣхъ этихъ общественныхъ отбросовъ, пѣвцомъ которыхъ и знаменоносцемъ онъ сталъ впо-

слѣдствіи. Совсѣмъ молодымъ онъ сошелся съ подонками русскаго народа и у него не было иныхъ путеводителей и иныхъ образцовъ кромѣ авантюристовъ: съ ними онъ извѣдалъ нищету со всѣми ея прелестями, съ ними исполнялъ случайную службу, рѣдко дающую кровъ и одежду—иногда, не всегда, кусокъ ржаного хлѣба и рюмку водки. Его судьба, казалось тогда, навсегда опредѣлилась: казалось, онъ сдѣлается однимъ изъ этихъ приволжскихъ проходимцевъ, субъектовъ съ легкой совѣстью, способныхъ на все за нѣсколько копеекъ, завсегдатаевъ кабака и тюрьмы.

Но въ то время, какъ его тѣло съ изощренной хитростью дикаго животнаго отыскивало себѣ насущный хлѣбъ, его умъ, пробужденный чтеніемъ, алкалъ знаній. Шестнадцати лѣтъ онъ пріѣхалъ въ Казань: „свирѣпое желаніе“, говоритъ онъ, побуждало его поскорѣе проникнуть въ міръ идей, видѣнный имъ лишь урывками. Онъ наивно воображалъ, что стоитъ только попросить знанія и что его даромъ раздаютъ алчущимъ. Скоро убѣдившись, что не такъ стоитъ дѣло и увидѣвъ, что „это не принято“, онъ поступилъ младшимъ подмастерьемъ къ бу-

лочнику, точнѣе „крендельщику“, фабрикующему тѣ кольца изъ сухого тѣста, которыми лакомится простонародье.

Воспоминанія объ этой эпохѣ его жизни нашли мѣсто въ одномъ изъ чудесныхъ его разсказовъ: *Коновалов*ъ. Автобіографическій характеръ разсказа узнается по его правдивости, не замѣтить которой невозможно. Коноваловъ, пекарь, работавшій съ нимъ въ хлѣбопекарнѣ,—одинъ изъ тѣхъ потерявшихъ почву мужиковъ, которыхъ Горькій рисуетъ намъ дюжинами: большой философъ и большой пьяница, смѣлый, безпокойный, всегда отвлекаемый отъ своего настоящаго положенія непреодолимымъ стремленіемъ къ иным горизонтамъ, неспособный склониться ни подъ какое ярмо, неспособный нигдѣ утвердиться, даже если ему на этомъ мѣстѣ хорошо живется. „Зачѣмъ я родился съ такой шеей, на которую ни одинъ хомутъ не подходитъ“,—печально восклицаетъ онъ. Въ часы отдыха, посадивъ хлѣбы въ печь, иногда далеко за полночь молодой пекарь читаетъ своему товарищу книжки. Авторъ анализируетъ развитіе любознательности въ этомъ нетронутомъ умѣ, и можно догадываться, что здѣсь онъ изображаетъ свои

собственные первые уроки, когда поваръ Смурый открывалъ ему воображаемый міръ. Мѣста, наиболѣе волнующія его, особенно въ „Бунтѣ Стеньки Разина“, разбойничьяго атамана, въ которомъ Коноваловъ и ему подобные видятъ свой прототипъ, неграмотный Коноваловъ заставляетъ перечитывать по двадцати разъ, онъ устремляетъ горящіе глаза на книгу, заставляетъ показывать ту строчку, гдѣ это напечатано и—эта черта особенно хорошо подмѣчена—съ недоумѣніемъ замѣчаетъ: „а буквы тѣ же самыя, какъ и всѣ другія“.—Такъ, въ глубинѣ этихъ подваловъ, гдѣ помѣщаются подобныя пекарни, среди молчанія ночи и при первыхъ лучахъ зари, зарождается мысль народной Россіи.

> Я лежалъ на мѣшкахъ съ мукой и сверху внизъ смотрѣлъ на его могучую бородатую фигуру, богатырски раскинувшуюся на рогожѣ, брошенной около ларя. Пахло горячимъ хлѣбомъ, кислымъ тѣстомъ, углекислотой... Свѣтало, и въ стекла оконъ, покрытыя пленкой мучной пыли, смотрѣло сѣрое небо. Грохотала телѣга, и пастухъ игралъ, собирая стадо.

Въ праздники товарищи уходили съ книгой въ поле, на берегъ рѣки. Но тамъ, растянувшись въ травѣ, они скоро бросали чтенье. „Максимъ! давай въ небо смотрѣть!—Максимъ, айда на Кубань?!“ говорилъ Ко-

Лен. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

новаловъ. Захваченные природой, они терялись въ неопредѣленныхъ грезахъ.

Среди этихъ прогулокъ они часто заходили въ одно большое зданье мрачнаго вида, стоявшее среди поля, полуразрушенное, полузалитое водою. Оно служило убѣжищемъ чрезвычайно смѣшанному обществу бродягъ, оборванцевъ, нищихъ, не имѣвшихъ пріюта въ городѣ и находящихся въ натянутыхъ отношеніяхъ съ полиціей. Пекаря ставили водку, а бродяги платили разсказами изъ своей жизни, болѣе фантастичными, болѣе надрывающими сердце, чѣмъ книжные. Горькій здѣсь собралъ матеріалы, которые утилизировалъ впослѣдствіи въ одномъ изъ самыхъ популярныхъ своихъ разсказовъ: *„Бывшіе люди“*. Однажды чье-то повѣствованіе было прервано появленіемъ полиціи, и разсказчики вмѣстѣ съ слушателями провели ночь въ части.

Молодой человѣкъ завелъ знакомства болѣе высокія, болѣе, быть можетъ, опасныя для его покоя. Введенный въ нѣкоторые студенческіе кружки, онъ услышалъ здѣсь разговоры о тѣхъ идеяхъ, которыя подвергаются процессу броженія въ этой бурной, кипучей средѣ. Тургеневъ и Достоевскій изоб-

разили намъ ужасующее безпокойство этой молодежи, вѣчно мучимой своими мыслями, лишенной всякой веселости, лихорадящей, кипящей и бурлящей... какъ самоваръ, вокругъ котораго собирается она, чтобы заглушить чувство голода нѣсколькими стаканами чая, чтобы построить химерическій міръ въ облакахъ самоварнаго пара и табачнаго дыма. Наука, разомъ вливаемая въ эти лишенные всякаго литературнаго балласта умы, дѣйствуетъ въ нихъ на манеръ взрывчатаго вещества. Горькому было трудно понимать ихъ: въ убѣжищѣ голяковъ его напаивали водкой, здѣсь опьяняли абстракціями. Не-трудно вообразить себѣ, какія мучительныя думы бродили въ его живомъ умѣ, когда изъ этого философскаго собранія возвращался онъ въ погребъ булочника.

Онъ признался въ этомъ позднѣе и въ такой формѣ, въ которой шуткою плохо прикрывается горечь воспоминанія: въ разсказѣ „*Однажды осенью*“. Онъ описываетъ тамъ одинъ изъ дней своей нищеты изъ того времени, когда ему было 18 лѣтъ. Этимъ вечеромъ онъ бродилъ по рѣчной набережной, голодный, разыскивая кусочка хлѣба. Ему бросился въ глаза стоящій въ сторонѣ ларь пере-

купщика,—запертый и оставленный хозяиномъ. Нѣтъ ли тамъ чего-нибудь съѣстного? Вдругъ изъ тѣни выступила бродяжка, уличная дѣвка, мучимая, какъ и онъ, голодомъ. Она предлагаетъ ему обокрасть лавочку. И вотъ онъ вырываетъ замокъ, а она проскальзываетъ внутрь и выноситъ оттуда черствую корку хлѣба. Забравшись подъ опрокинутую барку, они оба принялись за ѣду, а потомъ провели здѣсь ночь, спасаясь отъ холоднаго дождя. Молодого человѣка бьетъ лихорадка, а дѣвушка прижимается къ нему, чтобы согрѣть его. Не воображайте себѣ какой-нибудь пикантной развязки: нѣтъ ничего цѣломудреннѣе описанія этой ночи, два сближенныя нуждою существа страдаютъ бокъ-о-бокъ, какъ поїманные въ ловушку волкъ и волчица.

Сколько было иронін надо мной въ этомъ фактѣ! Подумайте!—Вѣдь я въ то время былъ серьезно озабоченъ судьбами человѣчества, мечталъ о реорганизаціи соціальнаго строя, о политическихъ переворотахъ, читалъ разныя дьявольски мудрыя книги, глубина мысли которыхъ, навѣрное, недосягаема была даже для авторовъ ихъ,—я въ то время всячески старался приготовить изъ себя „крупную общественно-активную силу“. Мнѣ казалось даже, что отчасти я уже выполнилъ мою задачу; во всякомъ случаѣ, въ то время я въ представленіяхъ о себѣ самомъ уже доходилъ до признанія за собою исключительнаго права на существованіе, какъ за величиной,

для жизни необходимой и вполнѣ способной сыграть въ ней крупную историческую роль! И меня-то согрѣвала своимъ тѣломъ продажная женщина, несчастное, избитое загнанное существо, которому нѣтъ мѣста въ жизни и нѣтъ цѣны и которому я не догадался помочь раньше, чѣмъ она мнѣ помогла сама, а если-бъ и догадался, то, едва ли бы сумѣлъ дѣйствительно помочь ей чѣмъ-либо...

Лихорадочная дѣятельность мысли въ этомъ истощенномъ лишеніями организмѣ имѣла своимъ результатомъ попытку покончить жизнь самоубійствомъ, явленіе, столь частое у русскихъ юношей. Девятнадцати лѣтъ отъ роду, рѣшивъ, что жить не стоитъ труда, Горькій пустилъ въ себя пулю. „Я ожилъ, благодушно говоритъ онъ объ этомъ, —дабы приняться за торговлю яблоками“.

Побуждаемый непреодолимымъ инстинктомъ бродяги и чувствуя себя, какъ онъ самъ говоритъ „не на своемъ мѣстѣ среди интеллигенціи“, онъ снова прошелъ вдоль по Волгѣ, пересѣкъ страну до Кубани, побывалъ на Кавказѣ, потомъ прошелъ по берегу Чернаго моря. Пришлось ему побывать и желѣзнодорожнымъ сторожемъ, и бурлакомъ, и выгрузчикомъ, и поденщикомъ на рыболовной тонѣ, на соляныхъ промыслахъ, на докахъ и на верфи,—вообще пріобрѣсти самыя разностороннія свѣдѣнія объ отхожихъ промыслахъ; здѣсь онъ завязалъ первую дружбу —

съ людьми, правда, недостаточно почтенными, но интересными и оригинальными, которые представили ему громадную галлерею образцовъ; съ другой стороны, онъ накоплялъ въ душѣ поэтическія откровенія природы, въ рамки которой вставилъ впослѣдствіи тривіальные сюжеты своихъ разсказовъ. Это были его университетскіе годы. Горькій не могъ получить высшаго образованія у профессорскихъ каѳедръ,—но получилъ его отъ другихъ профессоровъ, преподающихъ на большихъ дорогахъ.

Литературный демонъ началъ говорить въ немъ. Онъ написалъ свои первые опыты въ 1892 году и помѣстилъ ихъ въ разныхъ провинціальныхъ газетахъ. Въ слѣдующемъ году его встрѣтилъ въ Нижнемъ Короленко и принялъ живое участіе въ начинающемъ писателѣ. — „Пишите — говорилъ позднѣе Горькій своему біографу:—пишите: первымъ учителемъ Горькаго былъ солдатъ-поваръ Смурый, вторымъ—адвокатъ Ланинъ, третьимъ—Александръ Калюжный, человѣкъ „внѣ общества“, четвертымъ—Короленко“.

Благодаря этому покровителю, молодому незнакомцу стали доступны петербургскіе журналы. *Незнакомцу* впродолженіе шести лѣтъ: когда въ книжной торговлѣ появился

первый томъ *Разсказовъ* въ 1898 году, о немъ заговорила вся критика. Критика колебалась, была на сторожѣ, спрашивала себя, не былъ ли новый пришлецъ однимъ изъ тѣхъ обманчивыхъ метеоровъ, которые порою являются на мгновеніе на ночномъ русскомъ небѣ и тотчасъ же потухаютъ, оставляя пристыженными астрономовъ, совсѣмъ уже приготовившихся отмѣтить появленіе новой звѣзды. Публика отнеслась къ нему довѣрчивѣе: какъ это обыкновенно бываетъ, ея энтузіазмъ увлекъ критику, и вскорѣ похвалы слились въ общій хоръ, въ которомъ наиболѣе экзальтированными, разумѣется, были какъ разъ тѣ, которые сначала плохо отнеслись къ писателю. Зимою 1899 года онъ прибылъ въ Петербургъ, и здѣсь былъ въ честь его организованъ литературный вечеръ. Молодежь приступомъ брала мѣста, и, когда Горькій появился на эстрадѣ, шумныя овацiи перешли въ бурю. Когда устраиваются подобнаго рода литературныя собранія въ его отсутствіи, они оканчиваются подобнымъ же апоѳеозомъ, и его эхо доносится телеграммами до Нижняго. Мой экземпляръ *Разсказовъ* носитъ помѣтку *20-я тысяча*: цифра баснословная для Россіи.

Человѣкъ имѣетъ склонность, столь могущественно дѣйствующую на толпу, представлять ей въ своей персонѣ чувственный образъ своихъ твореній: своевольная, энергичная фигура, небрежно отброшенные назадъ волосы, блуза, болтающаяся на мускулистомъ туловищѣ,—Горькій никогда не носитъ иной одежды,—все воплощаетъ въ немъ типъ молодого, смѣлаго мужика, котораго всякій сотни разъ встрѣчалъ по дорогамъ идущаго искать счастья. Весной прошлаго года г. Рѣпинъ, модный художникъ, выставилъ портретъ писателя. Есть какое-то таинное сродство между художникомъ и его моделью: надо же было такъ случиться, чтобы эта модель позировала передъ художникомъ черезъ 15 лѣтъ послѣ того, какъ г. Рѣпинъ упрочилъ свою извѣстность исполненною скорбнаго реализма картиною: *Бурлаками,* идущими бичевой съ увязшими въ пескъ босыми ногами, изнуренными палящимъ солнцемъ. Портретъ Горькаго произвелъ на выставкѣ фуроръ: молодые посѣтители, студенты и студентки, не могли отъ него оторваться.

Чѣмъ онъ плѣнилъ эти сердца? Открылъ онъ имъ новый рай красоты, правды? Далъ

онъ имъ, по крайней мѣрѣ, печальное удовлетвореніе тѣмъ, что разъяснилъ имъ ихъ пороки и страданія? Изслѣдуемъ его сочиненія.

II.

Тотъ, кто ограничивается одною внѣшностью явленій, не могъ бы по первымъ опытамъ этого таланта предсказать его будущее амплуа. Но если всмотрѣться въ нихъ пристальнѣе, становится ясно, что въ нихъ отразилась его разъ навсегда сложившаяся природа и направленіе.

Эти страницы полны анахронизмовъ: представляется, будто онѣ написаны въ самый разгаръ романтической горячки какимъ-нибудь ученикомъ Пушкина и Лермонтова: *Макаръ Чудра*, *Старуха Изергиль*, *Ханъ и его сынъ*... Я говорилъ уже въ этомъ журналѣ о томъ, какъ русскіе соперники Лорда Байрона открыли на Кавказѣ и въ Крыму священныя страны романтической поэзіи. Съ тѣхъ поръ эти ворота Востока оберегались двумя магами: какъ только переступишь ихъ порогъ, въ памяти проснутся и запоютъ ихъ стихи: и нѣтъ уже болѣе свободы въ личномъ воспріятіи; между природой и вашими

глазами стоитъ призма, окрашивающая въ радужный цвѣтъ всѣ предметы. Къ натуральному великолѣпію края присоединяется тотъ ореолъ, которымъ его украсили поэты. Великіе творцы литературы обладаютъ этой силой давать извѣстнымъ странамъ свой колоритъ, которымъ и формы воспріятій и направленіе чувствъ уже опредѣлены заранѣе; всякій пейзажъ есть ничто иное, какъ ихъ душевное состояніе, сохраненное и переданное послѣдующимъ поколѣніямъ, напр., Неаполитанская бухта для читателей Ламартина. Самъ Толстой, служа въ полку на Терекѣ, не избѣжалъ этой тиранніи своихъ предшественниковъ: *Казаки* доказываютъ это.

Молодой Горькій прибылъ на Кавказъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ чтенія поэтовъ: онъ смотритъ ихъ глазами, чувствуетъ ихъ чувствами,—виды и фигуры, черты нравовъ, легенды, взрывы пылкихъ страстей и крики дикой гордости, все въ его разсказахъ представляютъ чистѣйшій байронизмъ *Цыганъ* и *Демона*. Пастухъ Макаръ Чудра развиваетъ свою фаталистическую философію, говоритъ о жестокости любви у прекрасныхъ кубанскихъ дѣвъ, о красотѣ свободной жизни и

о томъ, какъ все-таки жизнь пуста, тяжела для сердца, не угадавшаго ея смысла. „Ты не найдешь лошади, на которой могъ бы убѣжать отъ самого себя“. Въ этомъ разсказѣ мы слышимъ эхо знакомаго голоса: лермонтовскаго Печорина. Также и Изергиль есть подлинная дочь Пушкина; Алеко *Цыганъ* грезилъ, тосковалъ и говорилъ о всѣхъ этихъ необузданныхъ чувствахъ, пылающихъ въ разсказахъ старой крымской татарки. Очень красива легенда о Лаурѣ, ребенкѣ дѣвушки, унесенной орломъ: онъ вноситъ отцовскіе инстинкты въ среду людей своего племени, его руки, какъ когти, раздираютъ грудь любимой женщины, ничто не можетъ подавить въ немъ сатанинской гордости, которую наслѣдуютъ сыны орловъ, особенно, когда они родились около 1830 года.

Мало оригинальности въ созданіи этихъ персонажей, мало правды въ условныхъ чувствахъ, которыя Горькій вложилъ въ своихъ героевъ по примѣру родоначальниковъ романтизма, но восточные эскизы молодого прозаика обнаруживаютъ даръ чувствовать и изображать. Жанръ картинъ устарѣлъ, но все молодо и сильно въ ихъ фактурѣ, въ

блескъ красокъ, въ богатствѣ и свойствѣ образовъ, въ интенсивности эмоціи автора. Эти послѣднія у него какъ у настоящаго поэта: напр., это описаніе конца дня на крымскомъ берегу, когда Изергиль припоминаетъ свои давнія любовныя похожденія: пѣніе сборщицъ винограда, идущихъ къ морю, придаетъ меланхолическому разсказу радостный фонъ, исчезающій по мѣрѣ приближенія ночи вмѣстѣ съ воспоминаніями старухи.

> Ея сухой голосъ звучалъ безъ вибраціи, онъ хрустѣлъ, точно старуха говорила костями... Ея скрипучій голосъ звучалъ такъ, какъ будто это роптали всѣ забытые вѣка, воплотившись въ ея груди тѣнями воспоминаній. И море тихо аккомпанировало началу одной изъ тѣхъ древнихъ легендъ, которыя, можетъ быть, создались на его берегахъ.

Авторъ влагаетъ въ уста Изергиль размышленія, полныя простого и истиннаго краснорѣчія.

> Въ жизни, знаешь ли ты, всегда есть мѣсто подвигамъ. И тѣ, которые не находятъ ихъ для себя, тѣ просто лѣнтяи, или просто трусы, или не понимаютъ жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотѣлъ-бы оставить послѣ себя свою тѣнь въ ней... Я была счастлива на это: никогда не встрѣчалась послѣ съ тѣми, которыхъ когда-то любила. Это нехорошія встрѣчи, все равно какъ бы съ покойниками.

Обыкновенный человѣкъ такъ не напишетъ.

Горькій не ограничился этими подражаніями: скоро его вниманіе было обращено на тѣхъ его товарищей по нищетѣ, съ которыми пришлось ему сталкиваться. Происшедшая тогда въ писателѣ эволюція была повтореніемъ того, что пережилъ Гоголь, его настоящій праотецъ. Тотъ также, пѣвецъ *Тараса Бульбы*, дебютировалъ историческимъ романтизмомъ. Интуиція генія подсказала, что иной міръ ждетъ его пера; окружавшій его міръ провинціальныхъ правовъ, и если онъ и послѣ 1840 года не создалъ еще настоящаго реализма,—въ искусствѣ, какъ и въ природѣ, не бываетъ скачковъ,—зато ввелъ *лирическій реализмъ*: мнѣ простятъ это выраженіе, если хорошо подумаютъ надъ многими страницами изъ Бальзака и еще больше изъ Флобера. Къ этимъ страницамъ не подберешь иного термина. Этотъ удивительный Гоголь, который не занялъ еще подобающаго ему мѣста на вершинахъ европейской литературы, широкимъ взглядомъ обнялъ всѣ классы общества. Кругозоръ Горькаго у́же: за рѣдкими исключеніями, онъ не видитъ людей, стоящихъ выше рабочихъ; еще охотнѣе отмѣчаетъ онъ отступниковъ и дезертировъ этой трудовой арміи.

„Босяки“, „безпокойные люди“, „бывшіе люди“,—эти три выраженія безпрестанно встрѣчаются у него, входятъ въ названія его разсказовъ и характеризуютъ соціальную, или вѣрнѣе антисоціальную среду, которою онъ преимущественно интересуется. Это—подземная равнина мутной воды, питаемая самыми разнообразными родниками и напоминающая болотистые русскіе луга, на которыхъ торфъ дышетъ подъ ногой охотника. Вы не встрѣтите у него крестьянина, привязаннаго къ обрабатываемой имъ землѣ, того мужика, изученнаго такъ подробно, съ такою любовью Тургеневымъ и другими новѣйшими романистами: онъ привлекаетъ вниманіе Горькаго только тогда, когда вырывается съ корнемъ изъ родной почвы и уходитъ, куда глаза глядятъ. Нищета, неудачи, лѣность вербуютъ изъ всѣхъ сословій людей, умножающихъ составъ этого подозрительнаго міра и скоро принимающихъ въ немъ общую имъ всѣмъ физіономію. Здѣсь сталкиваются и сравниваются другъ съ другомъ и исключенный студентъ, и промотавшійся купчикъ, и отставной чиновникъ, и отставной офицеръ. Выборомъ сюжетовъ и мане-

рою ихъ обработки Горькій часто напоминаетъ нашего Жюля Валлеса и его *Отщепенцевъ*.

Горькій нашелъ здѣсь свою стихію: съ изобиліемъ, иногда однообразнымъ, онъ развертываетъ передъ нашими глазами кинематографъ, въ которомъ движутся бѣдняки, послуживши матеріаломъ для его болѣе чѣмъ тридцати разсказовъ. Процессъ его композиціи не отличается разнообразіемъ: не ищите въ немъ того, что называли прежде интригою, романическимъ дѣйствіемъ;— нигдѣ вы не найдете ничего подобнаго, даже въ *Оомѣ Гордѣевѣ*, имѣющемъ размѣры большого романа. Онъ беретъ свои образцы на пути ихъ ежедневной жизни: рисуетъ ихъ силуэты, заставляетъ ихъ двигаться, говорить, философствовать,—ихъ психологія, сказывающаяся въ ихъ разговорахъ, занимаетъ извѣстное число страницъ, и потомъ онъ покидаетъ ихъ, такъ же неожиданно, какъ подошелъ къ нимъ. Это—отрывочные эскизы, какъ будто собираемые для того, чтобы позднѣе составить изъ нихъ большую картину, и секретъ его искусства заключается въ томъ, что каждый изъ этихъ эскизовъ образуетъ у него маленькую законченную картину.

Это искусство обнаруживается прежде всего въ выборѣ и превосходной отдѣлкѣ той рамы, въ которой онъ представляетъ намъ своихъ героевъ. Чѣмъ болѣе они вульгарны и низки, тѣмъ болѣе потребности чувствуетъ Горькій украсить свой разсказъ страшнымъ контрастомъ съ ними красотъ и силъ природы. Тогда просыпается въ реалистѣ лирикъ, сохранившій, къ счастью, его первоначальнымъ романтизмомъ. Не думаю, чтобы самъ Айвазовскій, титулованный и по справедливости прославленный художникъ Чернаго моря, лучше видѣлъ и болѣе любилъ измѣнчивыя картины этого моря во всякое время, при всѣхъ освѣщеніяхъ. Здѣсь необходимо привести нѣсколько цитатъ, но онѣ дадутъ только приблизительное понятіе объ оригиналѣ; я перевожу, и нашъ старый языкъ съ его ясными контурами оказывается несостоятельнымъ, когда захочешь придать ему то безпорядочное богатство, ту непринужденность, тѣ нюансы и нѣжность языка, которыми, каждый на свой ладъ, обладаютъ русскіе писатели *).

*) Здѣсь цитаты приведены въ подлинникахъ. *Прим. перевод.*

Челкашъ—береговой разбойникъ, мародеръ, уговорилъ одного молодого парня и вовлекъ его въ ночную экспедицію; они отправляются на грабежъ. Все тяжело и опасно въ жизни этихъ людей: проекты стараго, испугъ молодого, мысли, которыя они думаютъ про себя, и загадочныя рѣчи, которыми они обмѣниваются. Море и небо поютъ въ унисонъ съ ихъ душами. И вотъ товарищи пускаются на лодкѣ изъ гавани.

Ночь была темная, по небу двигались толстые пласты лохматыхъ тучъ, и море было покойно, черно и густо какъ масло. Оно дышало влажнымъ, соленымъ ароматомъ и ласково звучало, плескаясь о борта судовъ, о берегъ и чуть-чуть покачивая лодку Челкаша... Лодка помчалась снова, безшумно и легко вертясь среди судовъ... Вдругъ она вырвалась изъ ихъ толпы, и море—безконечное, могучее, блестящее—развернулось передъ ними, уходя въ синюю даль, гдѣ изъ водъ его вздымались въ небо горы тучъ, лилово-сизыхъ, съ желтыми пуховыми каймами по краямъ, зеленоватыхъ, цвѣта морской воды и тѣхъ скучныхъ свинцовыхъ тучъ, что бросаютъ отъ себя такія тоскливыя, тяжелыя тѣни, угнетающія умъ и душу. Онѣ ползли такъ медленно одна на другую и, то сливаясь, то обгоняя другъ друга, мѣшали свои цвѣта и формы, поглощая сами себя и вновь возникая въ новыхъ очертаніяхъ, величественныя и угрюмыя... И что-то роковое было въ этомъ медленномъ движеніи бездушныхъ массъ, казалось, что тамъ, на краю моря, ихъ безконечно много и что онѣ всегда будутъ такъ равнодушно всползать на небо, задавшись тупо злой цѣлью не позволять ему никогда больше блестѣть надъ сонnымъ моремъ милліонами своихъ золо-

тыхъ очей—разноцвѣтныхъ звѣздъ, живыхъ и мечтательно сіяющихъ, возбуждающихъ высокія желанія въ людяхъ, которымъ дорогъ ихъ святой и чистый блескъ. Барка тихо покачивалась на игравшей водѣ, гдѣ-то поскрипывало дерево жалобными звуками, дождь мягко сыпался на палубу и плескались волны о борта... Все это было грустно и звучало, какъ колыбельная пѣснь матери, не имѣющей надежды на счастье своего сына...

Горькій находитъ на берегу стараго своего товарища Коновалова, поступившаго въ число работниковъ, строившихъ молъ. Онъ описываетъ губительный трудъ этого человѣческаго муравейника, „всѣхъ этихъ сѣренькихъ людей“, прорубающихъ сосѣднюю гору, чтобы сдѣлать изъ нея барьеръ противъ волнъ. Наступаетъ часъ отдыха. Коноваловъ дѣлитъ съ нимъ свой ночлегъ въ одномъ изъ пробуравленныхъ въ горѣ углубленій. Изъ этой обсерваторіи они долго наблюдаютъ море.

Оно лежало, ослѣпляя глаза своимъ блескомъ, большое, сильное, доброе, и его могучее дыханіе вѣяло на берегъ, освѣжая истомленныхъ людей, трудящихся надъ тѣмъ, чтобы стѣснить свободу его волнъ, которыя теперь такъ кротко и звучно ласкаютъ изуродованный берегъ. Оно какъ бы жалѣло ихъ: вѣка его существованія научили его понимать, что не тѣ злоумышляютъ противъ него, которые строятъ; оно давно уже знаетъ, что это только рабы: ихъ роль бороться со стихіями лицомъ къ лицу, а въ этой борьбѣ готова и месть стихіи имъ. Они все только строятъ, вѣчно трудятся, ихъ потъ и кровь—цементъ всѣхъ сооруженій на землѣ, но они ничего не получаютъ за это, отдавая всѣ свои силы

вѣчному стремленію сооружать,— стремленію, которое создастъ на землѣ чудеса, но все-таки не дастъ людямъ крова и слишкомъ мало дастъ имъ хлѣба. Они—тоже стихія, и вотъ почему море не гнѣвно, а ласково смотритъ на ихъ трудъ, отъ котораго имъ нѣтъ пользы. Это—сѣрые маленькіе черви, такъ источившіе гору... И улыбаясь спокойной улыбкой титана, сознавшаго свою мощь, море обвѣвало своимъ живительнымъ дыханіемъ титана еще духовно слѣпого, порабощеннаго и жалко ковыряющаго землю вмѣсто того, чтобы стремиться къ родству съ небомъ...

Даже когда стиль Горькаго не приподнятъ подобнымъ лирическимъ порывомъ, онъ всюду свидѣтельствуетъ о главномъ дарѣ писателя, онъ такъ и брызжетъ образами. И эти образы всегда новы и оригинальны и взяты изъ быта и привычекъ его персонажей. Самоучка пожинаетъ здѣсь плоды своего техническаго воспитанія, уроковъ, преподанныхъ ему непосредственно самими вещами, внѣ школъ и классическихъ традицій. Этому суровому воспитанію онъ обязанъ еще другимъ литературнымъ своимъ превосходствомъ: мучительною правдою изображенія тяжкихъ физическихъ ощущеній,— усталости, холода, голода... Голода въ особенности: въ разсказѣ *Однажды осенью*, въ разсказѣ *Въ степи* муки человѣка, падающаго отъ изнеможенія, анализированы съ точностью медика. Невозможно забыть ноч-

легъ трехъ пѣшеходовъ, заблудившихся въ степной пустынѣ, и ихъ встрѣчу съ однимъ бѣднягой, у котораго они отняли его суму: напряженіе всѣхъ жизненныхъ силъ ради пріобрѣтенія кусочка хлѣба хотя бы цѣною преступленія, придаютъ этому простому событію трагическое величіе.

Даже въ крайностяхъ своего реализма Горькій остается неисправимымъ романтикомъ, уже по формѣ и качеству своихъ грезъ предъ лицомъ природы (о чемъ достаточно свидѣтельствуютъ приведенные выше отрывки), а больше всего—по его пристрастію къ извѣстному типу героевъ. Челкашъ или Коноваловъ, Сережка въ *Мальвѣ* и сама Мальва, эти типы являются въ большинствѣ его разсказовъ, всегда одни и тѣ же съ небольшими только варіаціями: и всегда они любимцы автора, который чувствуетъ тѣмъ больше симпатіи къ своему герою, чѣмъ меньше тотъ ея заслуживаетъ съ точки зрѣнія буржуазной морали. Этотъ герой—здоровякъ съ крѣпкими мускулами, съ безстрашнымъ сердцемъ, лѣнивый и порочный, но способный на внезапные порывы, съ избыткомъ снабженный энергіей, которую за недостаткомъ примѣненія топитъ въ алкоголѣ:

философъ и фаталистъ, врагъ всякаго подчиненія, непокорный никакому закону. Вы узнаете здѣсь *Le sublime*, какимъ у насъ описалъ и окрестилъ его г. Дешесъ Пуло. Пусть онъ будетъ къ тому же отпѣтый бродяга и бродяга добровольный: вотъ главная его добродѣтель въ глазахъ русскаго разсказчика. Нива, земля-кормилица, родная деревня, очагъ,—вотъ враги, вотъ поработители, о которыхъ онъ выражается не иначе, какъ съ презрѣніемъ: имъ онъ противополагаетъ освободителей,—степь, берегъ, море. Всегда гонимые кочевымъ атавизмомъ изъ того мѣста, гдѣ они отдыхаютъ нѣкоторое время, босяки Горькаго, сами того не зная, представляютъ собою замѣстителей казаковъ, которые всегда убѣгали отъ регулярной жизни и спорадическая эмиграція которыхъ была однимъ изъ характерныхъ явленій русской исторіи: это была та каїма пѣны, которую славянскій океанъ безпрестанно отбрасывалъ на свои берега и которая, хотя и убѣгала отъ него, завоевывала ему новыя земли.

Есть одно болѣзненное побуждающее начало, которое вѣчно гонитъ впередъ этихъ скитальцевъ: а именно, подобно тому, какъ

у англичанъ бываетъ сплинъ, на русскихъ нападаетъ *тоска*, національная разновидность этого старѣйшаго человѣческаго зла: скуки и разочарованія. Она можетъ быть холодною и угрюмою, какъ породившій ее снѣгъ, или вдругъ бурливо и бѣшено разливается, какъ воды этого снѣга, когда онъ растаетъ. Ею люди безсознательно толкаются ко всевозможнымъ излишествамъ, рискованность которыхъ доставляетъ имъ забвеніе, ко всякимъ безобразіямъ и чаще всего къ кабаку. Въ одномъ тургеневскомъ разсказѣ: *Отчаянный*,—дядя распрашиваетъ своего пьяницу племянника: „Да отчего тоска?“—„Какъ же, помилуйте? Придешь этакимъ образомъ въ себя, очувствуешься, станешь размышлять о бѣдности, о несправедливости, о Россіи... Ну—и кончено! Сейчасъ тоска,—хоть пулю въ лобъ! Закуришь по неволѣ!“—„Россію то ты зачѣмъ сюда приплелъ? Все это у тебя отъ бездѣйствія“.—„Да не умѣю я ничего дѣлать, дяденька родной!.. Вы вотъ поучите меня, что мнѣ дѣлать, жизнью изъ-за чего рискнуть? Я—сію минуту“. Тоска—это послѣднее слово въ психологіи Горькаго, безпрестанно попадающееся въ его книгахъ. Онъ озаглавилъ ею

разсказъ, носящій второе названіе: „странич-ка изъ жизни одного мельника“. Этотъ мельникъ былъ охваченъ въ своей мельницѣ приступомъ общей болѣзни: онъ ѣдетъ въ городъ, блуждаетъ по улицамъ, преслѣдуемый невидимымъ врагомъ, отъ котораго пытается убѣжать, онъ собираетъ дѣвицъ и прихлебателей, внушающихъ ему отвращеніе, запирается въ ихъ компаніи въ трактирѣ... Пѣсни поютъ печальныя, печальныя... Онъ плачетъ, признается въ своемъ неизлѣчимомъ горѣ всѣмъ этимъ чуждымъ ему людямъ, которые жрутъ на его деньги, мертвецки пьянствуетъ въ теченіе трехъ дней и возвращается на мельницу еще болѣе несчастный, чѣмъ прежде. Вотъ и все. Все это не ново. Дядя добраго Тургенева здраво глядѣлъ на вещи и здраво судилъ, когда коротко отвѣчалъ на изліянія его племянника, повторяемыя на всѣ лады героями Горькаго: „это отъ бездѣйствія“. Нашъ авторъ этого не допускаетъ, по его мнѣнію, это зло какое-то таинственное, фатальное. Мы вышли уже изъ этого ребячества, но оно именно и образуетъ основу и суть изслѣдуемыхъ мною сочиненій, мы увидимъ во-очію, что, можетъ быть, чревато литера-

турными и соціальными послѣдствіями этотъ ветошный романтизмъ, отыскивающій, оплакивающій и прославляющій Манфреда и Ролу какъ разъ въ той самой западнѣ, куда они попались.

Съ тѣхъ поръ, какъ разсказчикъ нашъ рисуетъ (или думаетъ, что рисуетъ) реальныя картины плебса, онъ удѣляетъ женщинѣ лишь второстепенное мѣсто; его обычные клієнты отзываются о ней съ презрительной іронієй и третируютъ всѣхъ женщинъ одинаково. Всѣ они разсуждаютъ какъ Коноваловъ: женщина есть прирожденный врагъ независимости, которую бродяга долженъ любить больше всего. Пекарь разсказываетъ своему пріятелю, какъ въ то время, когда онъ былъ конюхомъ въ циркѣ, его замѣтила богатая купчиха, приблизила его къ себѣ и усладила его жизнь и какъ онъ ее покинулъ, хотя она была очень ему по душѣ, потому что не могъ удержаться на одномъ мѣстѣ: „что-то тянуло его уйти куда нибудь“... Коноваловъ прибавляетъ:

> Я тебѣ разсказалъ правду, такъ оно и было, какъ разсказывалъ. Развѣ тутъ что особенное есть? Женщина живетъ и ей скучно... Положимъ, я кучеръ, по женщинѣ это все равно, потому что и кучеръ, и баринъ, и офицеръ—всѣ мужчины... И всѣ передъ ней свиньи, всѣ

одного и того же ищутъ, и каждый норовитъ, чтобы побольше взять, да поменьше заплатить. Простой-то человѣкъ даже еще лучше, совѣстливѣе. А я очень простой... Женщины это хорошо во мнѣ понимаютъ... видятъ, что не обижу, т.-е. не... тово... не насмѣюсь надъ ней, женщина—она согрѣшитъ и ничего такъ не боится, какъ смѣха, издѣвки надъ ней. Она стыдливѣе противъ насъ...

Случаïныя подруги, которыми Горькій надѣляетъ своихъ босяковъ заинтересовываютъ его на одно мгновеніе только своими неслыханно злыми поступками, напр., когда онѣ притворно заманиваютъ отца и сына, натравливаютъ одного на другого и выбираютъ того, кто обнаружилъ въ этой дуэли болѣе жизненной силы. Таковъ сюжетъ *Мальвы* и *На плотахъ*. Если художникъ съ особенною любовью обрисовалъ фигуру своей Мальвы, такъ это потому, что она не менѣе любого мужчины воплощаетъ въ себѣ типъ прекраснаго кочевого животнаго, неукротимаго животнаго, для котораго все земное—предметъ добычи и котораго никакая добыча не удовлетворяетъ.—„Ты не похожа на женщину“, говоритъ ей Сережка, тѣмъ не менѣе, она единственная, кому авторъ придалъ все обаяніе, всю прелесть женщины. Чувствуешь ея чары, этой сирены крымскихъ рыболовныхъ тоней: душа моря свѣтится въ ея зеленыхъ глазахъ, въ ея

презрительномъ смѣхѣ по адресу мужчинъ. Какой-то магнетизмъ истекаетъ изъ ея существа и сообщается морскимъ пейзажамъ, и нигдѣ Горькій не воспроизвелъ это и пейзажи съ такимъ великолѣпіемъ, нигдѣ онъ также не проникъ глубже въ страсти своихъ дикихъ героевъ. Я того мнѣнія, что *Мальва* его chef-d'oeuvre.

Почти всегда блѣдныя созданія, которыя проходятъ на заднемъ планѣ *Разсказовъ*, суть дѣвицы самаго низшаго сорта. Ихъ роль ограничивается тѣмъ, что онѣ распѣваютъ свои неопредѣленныя пѣсни, въ которыхъ наивный текстъ переходитъ въ продолжительныя рыданія, подобныя крику раненаго животнаго и которыя доводятъ до слезъ грусть—тоску пьяницы. Ничто не можетъ такъ сбить съ толку французскаго писателя, какъ описаніе этихъ оргій,—молчаливыхъ, мрачныхъ и совершенно скромныхъ,—по крайней мѣрѣ, подъ перомъ разсказчика.

Мы коснулись здѣсь существеннаго различія, которое я часто имѣлъ случай отмѣчать, между русскими реалистами и большинствомъ нашихъ. Картины первыхъ изъ нихъ могутъ быть низки, отвратительны, гнусны во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но

никогда онѣ не раздражаютъ чувственности: въ положеніи самомъ на нашъ взглядъ скабрезномъ эти невозмутимые философы видятъ только жертвы особеннаго несчастія: ихъ вниманіе привлекаетъ исключительно психилогическій феноменъ: даже описанія притоновъ разврата у нихъ сдержанны, какъ какая-нибудь трагедія Расина. Сюжетъ разсказа *Васька Красный* едва можно передать: должность этого Васьки, служителя въ гнусномъ кабакѣ, состоитъ въ сѣченіи непослушныхъ дѣвицъ во всѣхъ публичныхъ домахъ одного большого города. На эту тему, при обработкѣ которой наши спеціалисты соперничали-бы другъ съ другомъ въ непристойностяхъ, Горькій написалъ горькій, безстрастный, какъ полицейскій рапортъ— этюдъ. Въ подобнаго рода вещахъ одинъ часъ сравненія и чтенія объясняютъ всякому добросовѣстному читателю лучше, чѣмъ часъ чтенія, различіе въ замыслахъ у обоего рода писателей: то самое человѣческое тѣло, которое у насъ изображается такимъ живымъ и соблазнительнымъ съ единственною цѣлью позабавить читателя, тамъ показываютъ ему охлажденнымъ въ анатомическомъ театрѣ, съ цѣлью дать ему возможность изучить на этихъ тру-

пахъ, какъ страдаетъ и гибнетъ человѣческая душа.

Что сказать о впечатлѣніи, которое получается отъ всѣхъ *Разсказовъ* вмѣстѣ взятыхъ? Взятый въ отдѣльности, каждый изъ нихъ интересенъ: васъ плѣняетъ выпуклость образовъ, правдивость наблюденія, живое движеніе мысли, въ которомъ лирическая эмоція чередуется со вспышками юмора. Но по мѣрѣ того, какъ подвигаешься вдоль этой галлереи офортовъ, ихъ разнообразіе (было бы несправедливо не признать этого) сливается въ однообразное чувство подавляющей грусти: тяжелый кошмаръ давитъ умъ, становясь подъ конецъ невыносимымъ. Напрасно Горькій разбросалъ по большимъ дорогамъ и выставилъ въ живописныя рамки природы жалкихъ дѣтей своего воображенія: всѣ они смѣшиваются въ вашей памяти и собираются въ одну и ту же конуру, содержимую отставнымъ капитаномъ Кувалдой, этотъ ночной притонъ, гдѣ собираются каждый вечеръ „бывшіе люди“. Авторъ собралъ въ этомъ соціальномъ аду наиболѣе типичныхъ представителей всѣхъ своихъ типовъ: туда они сходятся поболтать въ промежутки, свободные отъ пьяной

икоты; эти несчастные мономаны осуждены вѣчно вращаться въ заколдованномъ кругу: резонерствовать и пить, пить и резонерствовать. Ясный анализъ, который они дѣлаютъ относительно своей нравственной нищеты, кончается шкаликомъ водки, въ которомъ они и топятъ свое сознаніе. Можно сказать о ихъ исторіографѣ, что онъ рисуетъ водкой: его своеобразная гуманность буквально купается въ алкоголѣ, онъ течетъ ручьемъ вдоль страницъ, пары его заволакиваютъ всѣ сочиненія Горькаго тусклымъ облакомъ, угрюмымъ, похожимъ на тѣ, которыя писатель собираетъ на сѣрыхъ небесахъ, вѣчно нависшихъ надъ изображаемыми имъ пейзажами. Читая его, подумаешь, что Россія представляетъ собою только громадный кабакъ въ мрачномъ подвалѣ, воняющемъ потомъ, саломъ, керосиномъ, гдѣ бродяги въ лохмотьяхъ появляются, вздыхаютъ, ругаются, бросаютъ другъ другу въ лицо свои истины и тонутъ въ океанѣ водки. Это ужъ слишкомъ. Раздраженный читатель проситъ пощады и закрываетъ съ чувствомъ отвращенія и усталости книгу, начатую имъ съ чувствомъ удовольствія. Вѣчное повтореніе этихъ мрачныхъ и черныхъ образовъ про-

изводитъ въ немъ-то чувство, которое испытываешь на другой день послѣ пьянства, непріятное чувство, для котораго русскій языкъ имѣетъ очень богатый словарь существовательныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и которую мы называемъ проще: „le mal aux cheveux“ *).

III.

Ѳома Гордѣевъ, напечатаный въ 1899 году, заставляетъ думать, что писатель хочетъ расширить свой жанръ и приняться за большой правоописательный романъ. Наблюдатель подымается на нѣсколько ступеней по-соціальной лѣстницѣ: онъ выдвигаетъ на передній планъ классъ купцовъ, навѣрно самый оригинальный и самый неспособный къ измѣненіямъ изъ всѣхъ классовъ теперешней Россіи. Со временъ Гоголя онъ служитъ мишенью романистамъ и драматургамъ, они изощряютъ свое остроуміе на богатомъ купцѣ, на его легендарномъ мошенничествѣ, на его хапжествѣ, на его устарѣломъ костюмѣ. Тѣмъ не менѣе, именно въ этомъ-то и заключается его гордость, что онъ собп-

*) Боль въ волосахъ.

растъ въ свои руки денежную силу и хранитъ въ своей семьѣ культъ стародавнихъ традицій.

Романъ Горькаго воспроизводитъ во весь ростъ тѣхъ купцовъ, съ которыми ему пришлось сталкиваться въ Нижнемъ: это хорошіе, полные жизни портреты; въ особенности хорошъ портретъ стараго проїдохи Маякина. Книга написана хорошо: самъ Толстой могъ бы подписаться подъ извѣстными эпизодами, обработанными въ его манерѣ, съ искуснымъ выборомъ выразительныхъ деталей, напр. постель Натальи, умирающей на подушкѣ „*по которой, какъ мертвыя змьи, раскинулись темныя пряди ея волосъ*“, тогда какъ ея мужъ ждетъ исхода въ сосѣдней комнатѣ и пріободряетъ себя, попивая стаканъ за стаканомъ все ту же водку; смерть отца Гордѣева, стараго разбогатѣвшаго бурлака, который долго гнулъ жизнь и людей подъ свою суровую команду до самого того дня, какъ былъ пораженъ въ своемъ саду: „*сіо грузное тьло медленно поползло съ кресла на землю, точно земля властно потянула сіо къ себѣ*“; наконецъ, и въ особенности,—первый любовный опытъ молодого Гордѣева, женская власть надъ этимъ

двадцатилѣтнимъ сердцемъ, внезапный переворотъ, произведенный въ юномъ существѣ первою женскою лаской.

Продолженіе романа не оправдываетъ ожиданій, возбужденныхъ его началомъ. Ѳома одаренъ всѣми благами міра: умный, чрезвычайно здоровый, колоссально богатый, зачисленный въ почтенную корпорацію купцовъ, завидный женихъ для ихъ дочекъ, вполнѣ могущій по своему произволу располагать всѣми крупными дѣлами, которыя оставилъ ему его отецъ,—какъ онъ проживетъ свою жизнь?—Онъ и не будетъ ея проживать: онъ будетъ искать ея смысла. Неумолимое горе, *тоска*, завладѣваетъ его сердцемъ и умомъ. Все ему скучно, все его раздражаетъ, потому что міръ скверно созданъ, въ особенности русскій міръ.—„Что дѣлать?“,восклицаетъ Гордѣевъ. Шестьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Чернышевскій озаглавилъ этимъ вопросомъ свой знаменитый романъ, и сорокъ лѣтъ прошло послѣ тургеневскаго Рудина и его безчисленныхъ братьевъ, а этотъ нескончаемый крикъ раздается какъ и прежде все съ тою же тоскою и съ тою же наивностью. Какъ маленькое дитя, добрый Ѳома

предлагаетъ свой вопросъ встрѣчному и поперечному. Его богатства тяготятъ его, онъ завидуетъ босякамъ, которые, повидимому, знаютъ секретъ, разгадать который онъ стремится; онъ сближается съ ними, предается разгулу и пьетъ, пьетъ, не переставая искать смысла жизни на протяженіи 300 страницъ. Мы снова попадаемъ въ алкогольный потокъ, нищіе-паразиты пьянствуютъ на счетъ молодого купца. Благодаря счастливой привилегіи героевъ романовъ, это золото, которое онъ такъ презираетъ и расточаетъ, никогда не оскудѣваетъ въ его кошелькѣ. Бѣдный Ѳома! Твой литературный отецъ считаетъ тебя передовымъ умомъ, возжигающимъ свѣточъ грядущаго, и хотя онъ—шопенгауеріанецъ, ницшеанецъ и тому подобное (а можетъ быть и не „хотя“, а именно вслѣдствіе того, что онъ шопенгауеріанецъ и ницшеанецъ), вы относите его происхожденіе къ 1830 году:

Ничей кабакъ, ничей,
При блѣдномъ свѣтѣ трепетныхъ свѣчей
Такого непокорнаго не видѣлъ...

Я прошу прощенія у Максима Горькаго, но основа его романа вся заключалась уже въ этихъ старыхъ стихахъ. Не подумайте,

что онъ порицаетъ своего лѣнтяя Ѳому. Онъ его одобряетъ и противополагаетъ его другимъ купцамъ, этимъ бездарнымъ труженикамъ, этимъ неблагороднымъ скрягамъ. Гордѣевъ проявляетъ себя рыцарскими поступками, въ родѣ, напримѣръ, описухи, влѣпленной зятю губернатора, „*человѣку, власть имущему*“. Онъ выше своихъ собратій, потому что изъ глубины тѣхъ чулановъ, въ которыхъ онъ—я имѣю право такъ выразиться—распутничаетъ, онъ „протестуетъ и обличаетъ“. Это два модныхъ слова въ извѣстныхъ русскихъ кружкахъ. „Вижу торжествующую свинью и протестую“, гордо говоритъ одинъ изъ чеховскихъ героевъ. Ѳома протестуетъ противъ всего и всѣхъ, потому что, съ вашего позволенія, всѣ, съ кѣмъ онъ сталкивается,—свиньи. Благодаря ему, „святой духъ недовольства жизнью сошелъ уже на купеческое ложе“. Онъ обличаетъ низости своихъ собратій и того соціальнаго порядка, опорою которому они служатъ. Въ концѣ разсказа богатый Илья Кононовъ собралъ весь цвѣтъ города на банкетъ на новое судно, которое онъ собирается пустить по Волгѣ. Произносятся тосты, старые купцы поздравляютъ другъ

друга съ тѣмъ, что сдѣлала ихъ корпорація для развитія экономической жизни на рѣкѣ. Вдругъ—какъ Рюи-Блазъ на совѣтѣ министровъ—подымается молодой Гордѣевъ и начинаетъ „разоблачать“ каждаго изъ почтенныхъ сотрапезниковъ: каждому онъ напоминаетъ какой-нибудь его скрытый грѣхъ, забытый по пріобрѣтеніи состоянія и передаваемый его врагами другъ другу на ушко на ступенькахъ биржи: одному онъ напоминаетъ о мошенничествѣ, благодаря которому онъ основалъ свой банкъ, другому—о безнравственномъ грязномъ поступкѣ, третьему—о подлогѣ, обманѣ, присвоеніи сиротскаго наслѣдства. Всѣмъ достается порядкомъ. Подымается скандалъ, всѣ обрушиваются на обличителя, этого записного пьяницу (который, впрочемъ, на этотъ разъ не былъ пьянъ). Его отводятъ въ сумасшедшій домъ, и опекунъ его, хитрый Маякинъ, сразу вступаетъ въ управленіе имуществомъ Гордѣева, а Ѳома возвращается къ своимъ благороднымъ босякамъ пьянствовать вмѣстѣ съ ними.

Въ романѣ этомъ нѣтъ никакого дѣйствія, не развивается въ немъ также никакого чувства и, прочтя его, съ удовольствіемъ вспоминаешь о коротенькихъ и

скромныхъ эскизахъ того же автора. Этотъ романъ представляетъ собою цѣлый рядъ психологическихъ переворотовъ, недостаточно мотивированныхъ, и безконечную болтовню... У насъ переведенъ *Ѳома Гордѣевъ;* несмотря на реальный и яркій талантъ, котораго не могу не признать, мнѣ представляется сомнительнымъ, чтобы столь смутное произведеніе могло понравиться иностранцамъ, мало знакомымъ съ нравами нижегородскихъ купцовъ. Сверхъ того, надо обладать большимъ мужествомъ, чтобы переводить Горькаго. Я не имѣлъ случая видѣть французскій переводъ, но не постигаю, какъ можно передать самый этотъ смакъ народныхъ и простонародныхъ разговоровъ, занимающихъ такъ много мѣста въ *Разсказахъ*. Русскій арго не отличается отъ крестьянской рѣчи: вотъ почему онъ имѣетъ такое широкое распространеніе и вотъ почему заключаетъ въ себѣ такъ много чего-то братскаго и сердечнаго, включая сюда и тѣ крѣпкія словца, которыми обмѣниваются между собою эти ребята съ широкими глотками. Ничего подобнаго нѣтъ ни въ нашемъ обыденномъ языкѣ, болѣе очищенномъ отъ народныхъ тривіальностей, чѣмъ

русскій, ни въ нашемъ арго, болѣе искусномъ, болѣе плутовскомъ, потому что онъ у насъ представляетъ собою созданіе подонковъ городской жизни.

Въ Россіи *Ѳома Гордѣевъ* долженъ былъ пріобрѣсть большой успѣхъ, въ которомъ собственно литературныя достоинства почти не играютъ никакой роли: въ немъ увидѣли „протестующее“ сочиненіе и своего рода философскій трактатъ: два сорта сочиненій, которыми тамъ очень увлекаются. Горькій подвелъ въ этомъ романѣ итоги своей философіи, противорѣчивой и немного напыщенной, заключавшейся отчасти уже въ прежнихъ его писаніяхъ.

Жизнь представляется этому мечтателю, какъ бытіе въ себѣ, какъ бурный потокъ, текущій помимо нашей воли. Иногда слѣдуетъ бороться съ этимъ потокомъ, иногда надо пассивно отдаваться ему—давать нести себя его волнамъ. Прежде всего мы должны стараться пріобрѣсть „жизненную силу“, эликсиръ сильныхъ, созидающій и жизнь и людей. Реальный міръ такъ жалокъ, потому что всѣ эти трусы не знаютъ цѣны свободѣ: они погрязаютъ въ свои дома, свои города, въ свой трудъ, свои богатства; они не

умѣютъ творить, не умѣютъ отваживаться на славныя приключенія, питать и удовлетворять прекрасныя страсти, ради которыхъ только и имѣемъ мы право на жизнь. Недавно Горькій сочинилъ апологію страстямъ подъ названіемъ *О чортѣ*. Одинъ человѣкъ жаловался, что не можетъ побороть своихъ страстей. Чортъ входитъ въ окно (обыкновенный его путь) и предлагаетъ свои услуги: онъ исцѣлитъ больного, стоитъ только сдѣлать маленькую хирургическую операцію. Какъ будто извлекая какія-нибудь занозы, операторъ удаляетъ изъ больного сердца одну за другою всѣ проклятыя страсти, и когда была удалена послѣдняя страсть, исцѣленный *человѣкъ начинаетъ звучать, какъ пустая бочка*: отъ него остается только лишенный всякой сущности манекенъ, какой-то кретинъ, на лицѣ котораго отражается то неизъяснимое словами блаженство, которое всего болѣе свойственно прирожденнымъ идіотамъ.

Въ булочной, когда честный Коноваловъ оплакиваетъ свои слабости, его товарищъ убѣждаетъ его не смущаться и пытается доказать ему, что онъ—безотвѣтная жертва жизни, среды, обстоятельствъ. На что Ко-

поваловъ съ весьма похвальнымъ безпристрастіемъ своей свободной воли отвѣчалъ:

> Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть! Кто виноватъ, что я пью? Сами мы предъ собой и жизнью виноваты.

Позднѣйшій выразитель идей Горькаго, Шебуевъ, въ издаваемомъ теперь романѣ *Мужикъ* снова повторяетъ жалобы и упреки Гордѣева:

> Что для насъ жизнь? Пиръ? Нѣтъ. Трудъ? Нѣтъ. Битва? О, нѣтъ!.. Жизнь для насъ что то скучное, тягучее, сѣрое, какая-то обуза. Мы несемъ ее, вздыхая отъ усталости и жалуясь на тяжесть ноши. Любимъ ли мы жить? Любовь къ жизни?.. Вѣдь это даже звучитъ совершенно чуждо нашему уху. Мы любимъ читать, спорить, мы любимъ наши мечты о будущемъ... впрочемъ, платонической любовью любимъ ихъ, безплодной любовью..

Можно было бы привесть сотни подобныхъ цитатъ, въ сущности идентичныхъ, варіирующихъ только въ выраженіи неисчерпаемаго жара писателя. Краснорѣчива страничка, которою оканчивается этотъ разсказъ *О чортѣ*:

> Тотчасъ же послѣ того, какъ докторъ скажетъ про васъ вашимъ близкимъ „умеръ“... вы вступите въ нѣкую безграничную, ярко освѣщенную область, и это есть область сознанія вашихъ ошибокъ.—Вы лежите въ могилѣ, въ тѣсномъ гробу, и предъ вами проходитъ, вращаясь какъ колесо, бѣдная жизнь ваша. Она движется медленно до мучительности и вся проходитъ—отъ перваго сознательнаго шага и до послѣдней минуты жизни

вашей. Вы увидите все, что скрывали отъ себя при жизни, всю ложь и мерзость вашего бытія, всѣ мысли ваши вы снова передумаете, вы увидите каждый невѣрный вашъ шагъ, вся жизнь ваша возобновится, вся до секунды! И для того, чтобы усилить муки ваши, вы будете знать, что по той тѣсной и глупой дорогѣ, по которой шли вы,—ѣдутъ другіе и толкаютъ другъ друга, и торопятся, и лгутъ... И вы поймете, вы ясно видите—все это они дѣлаютъ лишь для того, чтобы со временемъ узнать, какъ позорно жить такой гнусной, бездушной жизнью ..

Ловокъ будетъ тотъ, кто разберется въ философіи Горькаго: самъ авторъ призналъ себя неспособнымъ на это въ порывѣ откровенности, продиктовавшей ему одинъ изъ его разсказовъ, *Читатель*. Онъ вытекъ изъ того единодушія, съ которымъ его друзья апплодировали его послѣднему творенію: его посѣщаетъ какая то насмѣшливая таинственная личность, и все заставляетъ думать, что эта личность есть символъ его совѣсти. Незнакомецъ спрашиваетъ у него, по какому праву онъ поучаетъ людей, во имя какого принципа, и какую истину принесъ онъ имъ. Писатель не находитъ отвѣта. Смутьянъ продолжаетъ мучить его до разсвѣта:

Ты нищъ для того, чтобы дать людямъ что-нибудь дѣйствительно цѣнное, а то, что ты даешь, ты даешь не ради высокаго наслажденія обогащать жизнь красотой мысли и слова, а гораздо больше для того, чтобъ возвести случайный фактъ твоего существованія на степень

феномена, необходимаго для людей. Ты даешь для того, чтобы больше взять отъ жизни и людей... А ты умѣешь любить людей?

Писатель вопрошаетъ себя и, хорошенько подумавъ, признается, что онъ ничего этого не знаетъ. Еще болѣе выразительны признанія, которыя онъ дѣлаетъ своему неожиданному исповѣднику:

Я открылъ въ себѣ не мало добрыхъ чувствъ и желаній, не мало того, что обыкновенно называютъ хорошимъ, но чувства, объединяющаго все это, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни, не нашелъ въ себѣ...

Ѳома Гордѣевъ, когда его убѣждаютъ читать, обнаруживаетъ тотъ же скептицизмъ относительно поучающей силы писателя: „учиться по книгамъ, какъ надо жить! Безсмыслица! Но вѣдь книгу-то твою написалъ тоже человѣкъ, а не богъ: какія правила, какіе примѣры можетъ человѣкъ дать самому себѣ“. Но самъ Горькій, развѣ онъ самъ не проповѣдуетъ доктрины, онъ, который смѣется надъ всѣми доктринами; какъ и его Ѳома, онъ тоже ощупью ищетъ смысла жизни. Его ограниченная метафизика часто напоминаетъ курьезную галлюцинацію, которую онъ описываетъ въ *Ошибкѣ*:

Кириллъ Ивановичъ ощущалъ въ себѣ желаніе повторять каждое слово по нѣсколько разъ, но почему-то

боялся дѣлать это. Слова казались ему разноцвѣтными пятнами, въ родѣ легкихъ облаковъ, разсѣянныхъ въ безграничномъ пространствѣ. Онъ летаетъ за ними, ловитъ ихъ и сталкиваетъ другъ съ другомъ; отъ этого получается радужная полоса, которая и есть мысль. Если ее вобрать въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ и затѣмъ выдохнуть, то она зазвучитъ и отъ этого получается рѣчь.

Нашъ философъ послѣдователенъ и непоколебимъ только въ одномъ пунктѣ: въ отвращеніи своемъ ко всякой уздѣ, въ призывѣ къ свободѣ страстей, въ поклоненіи силѣ. Во всѣхъ цитированныхъ мною отрывкахъ вы видите „сверхчеловѣка“ или, что тоже, романтика.

Въ сущности, творенія Горькаго представляютъ сплошной горячій протестъ противъ условій существованія... Онъ пытается пробудить... внушая людямъ, какъ постыденъ духовный маразмъ, какъ постыдны тѣ соціальныя раны, тѣ мерзости, которыми они исполнены. Онъ своими художественными изображеніями старается возбудить отвращеніе ко всему этому. Онъ—Гоголь, только менѣе веселый, менѣе гибкій, разочарованный Гоголь... Ни одинъ принципъ не находитъ пощады у радикальнаго нигилизма Горькаго, тогда какъ добрые доктринеры либерализма

все-таки придерживаются кое-какихъ принциповъ. Они одобрялн сначала язвительныя карикатуры этого добровольца, и вотъ онъ теперь разбиваетъ ихъ идолы вмѣстѣ со старыми богами. Въ его глазахъ всѣ теоретики стоятъ другъ друга, противоядія новыхъ эмпириковъ внушаютъ ему такое же недовѣріе, какъ и старая легальная медицина. Онъ не даетъ себя заковать „въ кандалы свободомыслія, въ колодки разныхъ *измовъ*“. О прессѣ, о ея служителяхъ и ея свѣтилахъ онъ говоритъ не иначе, какъ съ жестокой насмѣшкой. Ежовъ, bohéme провинціальнаго журнализма, такъ пытается просвѣтить Гордѣева насчетъ своей профессіи:

> Вмѣстѣ съ Ѳомой онъ шлялся до глубокой ночи по клубамъ, гостинницамъ, трактирамъ, всюду черпая матеріалъ для своихъ писаній, которыя онъ называлъ „щетками для чистки общественной совѣсти“. Цензора онъ именовалъ „завѣдующимъ распространеніемъ въ жизни истины и справедливости“, газету называлъ „сводней, занимающейся ознакомленіемъ читателя съ вредоносными „идеями“, а свою въ ней работу—„продажей души въ розницу“ и „поползновеніемъ къ дерзновенію противъ божественныхъ учрежденій“.

Все новое и новое разрушеніе старыхъ убѣжденій, чего бы это ни стоило, муже-

ственное и блестящее дѣйствованіе вмѣсто той идеалогической каши, которою профессоры общественнаго прогресса пичкаютъ русскіе желудки, вотъ чего нужно Горькому... Но на что же онъ надѣется?—А вотъ покорнѣйше прошу послушать внимательно стараго купца Маякина, резонера, который представленъ намъ въ *Фомѣ Гордѣевѣ*, какъ образецъ благоразумнаго и практичнаго интеллигента. Своимъ фамильярнымъ, немножко грубоватымъ языкомъ Маякинъ излагаетъ свои идеи о будущемъ Россіи. Я передеду отрывокъ безъ пропусковъ, онъ поучителенъ:

> Смутилась Россія, и нѣтъ въ ней ничего стойкаго: все пошатнулось! Всѣ набекрень живутъ, на одинъ бокъ ходятъ, никакой стройности въ жизни нѣтъ.. Орутъ только всѣ на разные голоса. А кому чего надо, никто того не понимаетъ! Туманъ на всемъ... туманомъ всѣ дышатъ, оттого и кровь протухла у людей... оттого и нарывы... Дана людямъ большая свобода умствовать, а дѣлать ничего не позволено,—отъ этого человѣкъ не живетъ, а гніетъ и воняетъ.—Что же надо дѣлать?—спросила Любовь.—Все!—азартно крикнулъ старикъ: все дѣлай... Валяй, кто во что горазъ! А для того надо дать волю людямъ... полную свободу! Ужъ коли настало такое время, что всякій шибздикъ полагаетъ про себя, будто онъ все можетъ и сотворенъ для полнаго распоряженія жизнью—дать ему, стервецу, свободу! На, сукинъ сынъ, живи! Ну-ка, живи! А-а! Тогда воспослѣдуетъ такая комедія: почуявъ, что узда съ него снята, зарвется человѣкъ выше своихъ ушей и перомъ поле-

тить и туда и сюда... Чудотворцемъ себя возомнитъ и начнетъ онъ тогда духъ свой испущать.. —Старикъ сдѣлалъ паузу и съ ехидной улыбкой, понизивъ голосъ, продолжалъ:—А духа этого самаго строительнаго совсѣмъ въ немъ малая толика! Попыжится это онъ день другой, потопорщится во всѣ стороны и—въ скорости ослабнетъ, бѣдненькій! Сердцевина то гнилая въ немъ... хе-хе-хе! Ту-утъ его,—хе-хе-хе! голубчика, и поймаютъ настоящіе, достойные люди, тѣ настоящіе люди, которые могутъ... дѣйствительными штатскими хозяевами жизни быть... которые будутъ жизнью править не палкой, не пером, а пальцемъ да умомъ. Что, скажутъ, устали, господа? Что, скажутъ, не терпитъ селезенка настоящаго то жару? Та-акъ-съ...—И повысивъ голосъ, властнымъ топомъ старикъ закончилъ свою рѣчь:—Ну, такъ теперь вы, такіе-сякіе, молчать и не пищать! А то какъ червей съ дерева стряхнемъ васъ съ земли! Цыцъ, голубчики! Хе хе-хе! Вотъ оно какъ произойдетъ, Любовка! Хе-хе-хе!.. Ну и тогда то вотъ тѣ, которые верхъ въ сумятицѣ возьмутъ,—жизнь на свой ладъ, по умному, и устроятъ.. Не шаля-валя пойдетъ дѣло, а какъ по нотамъ! Не доживешь до этого, жаль!

А, по если не ошибаюсь, это та теорія, которую хитрыя лисицы, и не формулируя ее, всегда примѣняли съ большимъ успѣхомъ. Этому Маякину умирать не надо: онъ чудесно знаетъ искусство кипятить народный котелъ и потомъ снимать съ него сливки. Буржуямъ, которые наслаждаются всѣми благами въ произведеніяхъ Горькаго, остается только оставаться на своихъ мѣстахъ, тѣмъ самымъ буржуямъ, которыхъ онъ ненавидитъ вдвойнѣ: въ качествѣ ро-

маниста, на манеръ Флобера, и въ качествѣ прогрессиста.

Мы дѣлаемъ эти замѣтки, потому что онѣ необходимы, но онѣ ничуть не заподозрѣваютъ искренности Горькаго. Все свидѣтельствуетъ о присутствіи ея въ душѣ этого молодого Альцеста. Его Гордѣевъ—это дикій экземпляръ человѣка aux rubans verts, который тоже вѣдь „протестовалъ и обличалъ“:

> Желчь разливается отъ гнѣва и досады
> При взглядѣ на житье и дѣйствія людей *).

Этотъ скандалистъ Ѳома олицетворяетъ собою одну изъ наиболѣе симпатичныхъ чертъ русскаго народа. Историки и дипломаты упрочили за негоціантами этой страны репутацію византійской двойственности: это, во всякомъ случаѣ, профессіональное качество ужилось у нихъ съ самою экспансивною искренностью, общею всѣмъ классамъ общества. Дитя тоже умѣетъ лгать: однако его чистый умъ во всемъ предпочитаетъ истину, оно удивлено и сердится, когда отъ него что-либо скрываютъ. Нѣтъ ничего болѣе прямого, болѣе открытаго, чѣмъ русское

*) Перев. Курочкина.

сердце, если только не обезобразило его какое-нибудь случайное уродство. Какой путешественникъ не удивлялся въ Россіи этой наивной, иногда комической откровенности незнакомца, заводившаго съ нимъ разговоръ въ вагонѣ. Менѣе, чѣмъ въ одинъ часъ, ставъ вашимъ пріятелемъ, болтунъ изливается въ откровенностяхъ, какъ и собесѣдники въ разсказахъ Горькаго, относительно такихъ предметовъ, которыхъ обыкновенно стыдятся, которые замалчиваютъ: о своихъ дѣлахъ, семьѣ, своемъ характерѣ, своихъ самыхъ скрытыхъ болѣзняхъ.

Жаждущій правды, большой идеалистъ и большой невѣжда, этотъ дитя-народъ легко приходитъ въ негодованіе, когда ему открываютъ глаза, когда разоблачаютъ предъ нимъ всю систему условной лжи, на которой фатальнымъ образомъ основывается всякое соціальное строеніе,—лжи смѣшной, неблагородной, жестокой, если взглянуть на нее критически. Возмущенное сердце сразу ввергается въ радикальное отрицаніе. Есть что то трогательное въ этомъ первомъ смятеніи реформаторскаго ума въ теченіе того краткаго періода его дѣвственности, когда онъ совершенно еще искрененъ и безпристрастенъ,

вплоть до того дня, когда, по мѣрѣ успѣха реформъ, онъ, въ свою очередь, подчиняется условной лжи, все болѣе и болѣе приспособляется къ ней и, наконецъ, послѣ побѣды, замыкается въ ней силою вещей съ такимъ же комфортомъ, какъ и его предшественники, надъ которыми онъ восторжествовалъ. Россія находится еще въ фазѣ идеализма,— когда аплодируютъ Бомарше. Но нашъ Фигаро звонитъ набатъ веселыми эпиграммами, — голяки Максима „Горькаго“ протестуютъ скорбными пѣснями и мимикою отчаянія. Расовое отличіе.

Тяжелая болтовня героевъ Горькаго о смыслѣ жизни, равно какъ не менѣе тяжелыя размышленія публики и критики о идеяхъ писателя напоминаютъ намъ серьезность маленькихъ дѣтей. Большинство его читателей интересуется болѣе его идеями, чѣмъ его талантомъ. Муки моральныхъ вопросовъ не даютъ простора эстетическимъ наслажденіямъ; и всѣ эти длинноты, которыя кажутся намъ такими скучными, тамъ нравятся, такъ какъ ихъ содержаніе придаетъ имъ интересъ. Я разсказывалъ уже объ одномъ изобрѣтателѣ, русскомъ крестьянинѣ, который выставилъ у насъ въ 1889 году остро-

умные снаряды всевозможныхъ родовъ; виденъ былъ геній и въ самыхъ этихъ открытіяхъ и въ примѣненіяхъ, которыя онъ изъ нихъ сдѣлалъ совершенно самостоятельно; къ сожалѣнію, всѣ эти снаряды, которыми онъ увлекался, были только грубыми прототипами уже давно изобрѣтенныхъ и усовершенствованныхъ механикой машинъ.— Такъ же обстоитъ дѣло съ русскими романами и ихъ читателями; они наивно задаются вопросами, которые человѣчество на время разрѣшило, по крайней мѣрѣ, на практикѣ; они принимаются за старыя вычисленія геометровъ, искавшихъ квадратуру круга. Намъ это сначала смѣшно, но когда въ дѣло вмѣшивается какой-нибудь Толстой, когда онъ принимается съ холодной смѣлостью разбирать дѣло, мы въ концѣ концовъ заинтересовываемся: эти господа напоминаютъ намъ, что наше всѣми принятое разрѣшеніе вопроса сдѣлано только *на время*.—Такъ старикъ смѣется надъ дѣтскими вопросами, на которые онъ не можетъ отвѣтить, но они заставляютъ его призадуматься.

IV.

Каковъ въ настоящее время соціальный багажъ Горькаго? Столь же и еще больше, чѣмъ производители денегъ, отвѣтственны предъ обществомъ производители идей: они берутъ себѣ нашъ умъ и мы отдаемъ его имъ,—на ихъ обязанности лежитъ обогатить его.

Если исключить его талантъ—а онъ неоспоримъ и притомъ настолько гибокъ и живъ, что можно ждать его обновленія, легко установить балансъ этого писателя: онъ не далъ ничего, кромѣ отрицаній. Его предшественники оставили своему краю наслѣдство идей и чувствъ, которыми жила русская жизнь: вы хорошо видите, чѣмъ Горькій повредилъ этимъ идеямъ, но не видите, что онъ прибавилъ къ нимъ.

Я не встрѣтилъ въ *Разсказахъ* ни единой страницы, которая обнаруживала бы какую-нибудь религіозную или философскую идею или хоть просто возбуждала бы какой-нибудь интересъ къ подобнаго рода идеямъ. Было время, когда любая русская книга была въ основѣ своей православною книгою и свидѣтельствовала о крѣпкой вѣрѣ, о на-

ціональной связи этого громаднаго союза людей. Потомъ народились безпокойные, шатающіеся умы, но и они все еще вполнѣ были проникнуты религіознымъ чувствомъ. Творенія Толстого представляютъ собою сплошной вопросъ о таинствѣ міра, мелочное изслѣдованіе о самомъ необходимомъ человѣка. Кто не помнитъ молчаливаго монолога князя Андрея подъ небомъ Аустерлица? Безуховъ и Левинъ также мучительно искали смысла жизни, но съ этими поисками была всегда связана забота о нравственномъ самоусовершенствованіи; когда они шли учиться у простыхъ людей, они дѣлали это для того, чтобы въ нихъ найти живой комментаріи евангельской доктрины, какъ ее понимаетъ Толстой. Уже Тургеневъ наклонился къ народу, онъ далъ намъ его образъ, облагороженный самыми трогательными добродѣтелями, мужествомъ и самопожертвованіемъ; его перо распилило оковы, державшія этотъ народъ въ рабствѣ.—Достоевскій дунулъ на Россію горячимъ дыханіемъ нѣжности и братства; чувство, породившее его творенія, была жалость. Раньше Горькаго и не менѣе прилежно, чѣмъ этотъ послѣдній, онъ занимался „босяками“,

онъ зналъ ихъ даже на каторгѣ, и тамъ они читали Евангеліе. Пьяничужка Мармеладовъ и Соня изъ *Преступленія и наказанія* проложили дорогу пьяницамъ и дѣвушкамъ, постоянно фигурирующимъ въ *Разсказахъ*, но какъ тѣ отличались отъ этихъ своимъ смиреніемъ, мягкостью, таинственною красотою души! Смѣйтесь сколько угодно надъ „религіей человѣческаго страданія“: она, по крайней мѣрѣ, ничего не пробуждала кромѣ добрыхъ инстинктовъ.

Горькій переноситъ насъ въ другую Россію, болѣе сухую, болѣе индивидуалистическую, совсѣмъ спустившуюся съ облаковъ на землю. Онъ, повидимому, равнодушно относится къ большинству чувствъ, волновавшихъ „людей сороковыхъ годовъ“. Это совершеннѣйшій игнорантъ. Его книги охотно игнорируютъ то пріобладающее вліяніе, которымъ пользуются еще ортодоксальныя традиціи, лишь кое-гдѣ онъ вспоминаетъ о нихъ, какъ о какомъ то антикварномъ магазинѣ, гдѣ онъ можетъ получить раму, подходящую къ портрету какого-нибудь стараго купца. Въ постоянныхъ разговорахъ, гдѣ его герои излагаютъ свои воззрѣнія, нѣтъ и слѣда присущаго русскому народу мисти-

цизма, глубокаго источника, изъ котораго вытекаетъ столько различныхъ ручьевъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ благочестивымъ богомольцемъ Ѳомѣ Гордѣеву, который не обращаетъ на нихъ особаго вниманія, представляютъ единственное отраженіе столь значительнаго въ народной жизни явленія и столь частаго въ той средѣ, въ которую вводитъ насъ авторъ. Если вѣрить ему, агнцы Достоевскаго стали волчатами; изрѣдка только обнаруживаютъ они какое-нибудь чувство состраданія и братства, ровно настолько, сколько нужно, чтобы отличить ихъ отъ живущаго инстинктами животнаго, съ которымъ они имѣютъ сходство во многихъ отношеніяхъ; но чаще всего, ихъ сердце закалено, одичало вслѣдствіе вліянія какого-нибудь расчета или какой-нибудь страсти; порвалась соціальная связь. Разнузданный индивидуализмъ, страдающій отъ того, что не можетъ удовлетворить себя и ищущій этихъ удовлетвореній въ матеріальныхъ наслажденіяхъ, или хотя и болѣе высокія, но очень неопредѣленныя стремленія къ развитію своей тщеславной силы, которая хотѣла бы истратиться на великія дѣла — но на какія великія дѣла не знаетъ,—таково послѣднее

слово творенiй Горькаго. Я ничуть не забываю, что онъ „обличаетъ“ и изображаетъ общество столь жалкимъ только для того, чтобы побудить сильныхъ міра сего къ его преобразованію, но онъ не говоритъ нигдѣ, по какому плану онъ хотѣлъ бы его перестроить. Онъ и самъ сознается, что лишенъ этого „духа строительнаго“, о которомъ такъ охотно говорятъ его философы. Онъ призываетъ царство разума, но то будетъ разумъ сильнаго. Обнародованныя имъ привиллегiи поучаютъ насъ, что какъ-бы ни былъ перестроенъ міръ, онѣ всегда будутъ даны таму прекрасному разбойнику, который не побоится ихъ и поразитъ ими болѣе слабаго. Это регрессъ, въ большей степени, чѣмъ это было у его непосредственныхъ предшественниковъ, въ сторону аристократическаго идеала романтизма. Горькiй демократизировалъ этотъ идеалъ, вотъ и все. Джентльмены Пушкина и Лермонтова страдали отъ зла жизни въ петербургскихъ салонахъ; эти знатные отверженцы протестовали въ этихъ салонахъ противъ пошлости бомонда; ихъ героическая скука заставила ихъ искать вдали независимости, приключенiй, свободы страстей. Онѣгинъ и Печоринъ оживаютъ въ

своихъ внукахъ плебеяхъ: въ Челкашѣ, Сережкѣ, Коноваловѣ. Они потеряли свою первоначальную элегантность, промѣняли байроновскій плащъ на красную рубашку мужика, они ходятъ босяками, разговариваютъ по-мужицки, пьютъ водку вмѣсто шампанскаго, въ остальномъ—они являются намъ такими же, какъ были, съ тѣмъ же нетвердымъ и горделивымъ сердцемъ. Романтическій „левъ“ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ и такимъ видитъ его нашъ разумъ, невзирая на литературный престижъ, соблазняющій наше воображеніе: молодымъ животнымъ, эгоистичнымъ горделивымъ, разнузданнымъ.

Увы, какъ узокъ тотъ кругъ, въ которомъ вращаются, какъ во времени, такъ и въ пространствѣ, наши падкіе на все новое умы! Если я настаиваю на возрожденіи дурно замаскированнаго романтизма, такъ это потому, что это явленіе касается не одного Горькаго и не одной Россіи, а характеризуетъ всѣхъ европейскихъ писателей, пользующихся расположеніемъ молодыхъ поколѣній.

Наука объ электричествѣ дѣлаетъ намъ доступными необозримые горизонты своими чудесами безпроволочнаго телеграфа. Право, кажется, что эти чудесныя пути, по

которымъ сносятся другъ съ другомъ люди, имѣютъ свой эквивалентъ въ интеллектуальномъ морѣ. Тамъ такъ же, безъ видимыхъ проводниковъ, внезапно устанавливается сношенія между самыми удаленными другъ отъ друга умами, воспитанными разными культурами: и эти умы издаютъ одинъ и тотъ же звукъ въ одно и то же мгновеніе. Возьмемъ трехъ художниковъ слова, которыхъ мы имѣемъ право считать представителями общества, потому что они въ наше время наиболѣе уважаются въ ихъ странѣ, наиболѣе пользуются успѣхомъ, наиболѣе по вкусу молодежи, изъ чего можно съ извѣстною долею вѣроятности заключать, что они выражаютъ и ободряютъ тѣ тенденціи, которыя, отражаясь въ ихъ писаньяхъ, обнаруживаются повсюду вокругъ нихъ въ соціальной эволюціи. Россія дала намъ Максима Горькаго, Италія—Габріэля д'Аннунціо, а новая Англія—Рёдьярда Киплинга.

Первый живетъ на Волгѣ, образованіе получилъ урывками, — у него нѣтъ никакого соприкосновенія съ иностранной мыслью и навѣрно онъ не знаетъ ни одной страницы изъ двухъ остальныхъ писателей. Англичанинъ, выросшій въ Индіи, не знаетъ ни слова

изъ русскаго писателя и, сомнѣваюсь, что бы былъ знакомъ съ итальянскимъ писателемъ. Этотъ послѣдній писалъ прежде еще, чѣмъ прочелъ Киплинга, а что касается Горькаго, то если и дошло до него это имя, то не дальше какъ на этихъ дняхъ. Одинъ только онъ изъ нихъ, вѣроятно, знакомъ съ Ницше, ихъ духовнымъ отцомъ. И, однако, всѣ три писателя походятъ другъ на друга извѣстными чертами, которыя придаютъ имъ одну фамильную физіономію, и эта физіономія носитъ названіе романтизма.

Романтичны они своимъ лиризмомъ, качествомъ своихъ эмоцій предъ лицомъ природы, своею любовью къ скитальческой и простой жизни, но особенно своими воззрѣніями на человѣка и его судьбу, своимъ культомъ индивидуализма, силы, страсти, коротко говоря, своею аморальностью. Любой разсказъ Горькаго исходитъ изъ того же настроенія, какъ и любая новелла Киплинга; персонажи, которыя одинаково имъ милы, имѣютъ одни и тѣ же инстинкты, бурные и грубые, ту же любовь къ странствованію по землѣ, то же звѣрское стремленіе завоевать ее себѣ, то же беззаботное отношеніе къ внушеніямъ совѣсти, съ которыми вѣдать-

ся они предоставляютъ старому цивилизованному міру. Д'Аннунціо, менѣе демократичный, обнаруживаетъ, благодаря своей болѣе рафинированной крови, порочную энергію Борджіа; но онъ могъ бы подписаться подъ извѣстными афоризмами Горькаго, такъ же подъ его протестами противъ буржуазнаго общества, подъ тирадами о необходимости жить „въ красотѣ“ до такой степени, что кажется, напр., будто русскій писалъ подъ диктовку итальянца свою статью, напечатанную въ Самарской газетѣ 1895 года, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ, можетъ быть, и имени-то его не зналъ.

Было бы легко расширить кругъ этихъ сближеній: сюда подойдетъ безъ труда нѣмецъ Гауптманнъ; да и Сенкевичъ, развѣ онъ не представляетъ собою Александра Дюма нео-романтиковъ? Я не буду говорить о Франціи: литературная наша мастерская такъ обширна и такъ переполнена, различныя доктрины и различныя формы искусства имѣютъ здѣсь такъ много искусныхъ защитниковъ, что не рѣшишься сказать, кто изъ нихъ больше представляетъ собою національную тенденцію, если только вообще есть во Франціи національная тенденція:

объ этомъ судить не французу. Кромѣ того, надо остерегаться слишкомъ обширныхъ обобщеній, которыя легко могутъ быть произвольными. Я выбралъ на трехъ окраинахъ Европы казовыхъ писателей, произведенія которыхъ мнѣ хорошо извѣстны: я вовсе, конечно, не утверждаю, что столь выдающіеся таланты имѣютъ однообразную физіономію, но вы согласитесь со мной, что всѣ они одинаково прославляютъ одинъ и тотъ же человѣческій или лучше сказать безчеловѣчный типъ, который могъ бы быть названъ „молодымъ варваромъ“.

Это—отрицаніе идеала, съ такою мукою выработаннаго моралистами предшествующаго поколѣнія. Бѣдный XIX-й вѣкъ! Онъ думалъ, что работаетъ надъ усовершенствованіемъ цивилизаціи, онъ воображалъ, что, умирая, оставитъ ее болѣе разумной, болѣе мягкой, болѣе защищающей слабыхъ. Но ученіе его доктринеровъ блѣднѣло предъ практическими уроками его дѣятелей. Нынѣшнія дѣти очень плохо и очень мало читаютъ гуманитарныя сочиненія, они смотрятъ на некнижные образцы—на эти дышащія смѣлостью и властолюбіемъ фигуры великихъ революціонеровъ, потрясателей

націй, суровыхъ мѣсителей человѣческаго тѣста: Наполеона, Бисмарка. Эти проповѣдники права силы продолжаютъ прельщать умы: внушительность ихъ примѣровъ перевѣшиваетъ убѣдительную силу всѣхъ идеаловъ вмѣстѣ взятыхъ. Первый изъ нихъ, болѣе театральный, значительнымъ образомъ способствовалъ нарожденію прежнихъ романтиковъ: всѣ они горѣли желаніемъ подняться до его уровня; отсюда высокопарный и утрированный полетъ ихъ воображенія. Второй, болѣе реалистъ, возбудилъ подражателей, открытыхъ и тайныхъ, между людьми, руководящими дѣлами міра; ихъ успѣхъ вліяетъ на мечтателя и философа; эти образцы въ искусствѣ успѣвать сдѣлались, такимъ образомъ, посредственно истинными наставниками мысли и стиля.

Нео-романтики не имѣютъ ни иллюзій, ни наивности своихъ предшественниковъ. Тѣ отдѣлывались словами и думали, что летаютъ очень высоко, утоляя жажду чувствъ, фантазію и пробужденную въ нихъ гордость. Теперешніе ихъ наслѣдники, вскормленные наукою, связанные анализомъ, знаютъ, куда они идутъ и зачѣмъ идутъ. Бюрократы или ре-

волюціонеры, а чаще всего и то и другое, они хладнокровно комментируютъ изреченіе древняго латинскаго поэта: paucis humanum vivit genus. Они говорятъ намъ, что слабые люди суть презрѣнная глина, созданная для того, чтобы служить матеріаломъ прекраснымъ трудамъ людей сильныхъ, и они выдвигаютъ впередъ благовидные аргументы, оправдывающіе трагическую борьбу, которая раздѣляетъ умы.—Право и мораль, повторяютъ устарѣлые философы: альтруизмъ и солидарность, интересы цивилизаціи...—Интересы расы, возражаютъ новые теоретики: развѣ вы не видите, что расы обезцвѣчиваются, что воля слабѣетъ и всѣ жизненныя силы съ ней? Лѣкарства не дѣйствуютъ... А вѣдь здоровая сила почти всегда импульсивна, безнравственна... Развѣ вы не знаете, что всѣ великія вещи совершены великими индивидуами и что имъ отнюдь не слѣдуетъ колебаться въ выборѣ средствъ для исполненія своихъ предначертаній?

Эти enfants terribles имѣютъ тѣмъ болѣе успѣха, что они спускаютъ съ цѣпи природные инстинкты, направленные противъ искусственныхъ барьеровъ новой формаціи и сомнительной крѣпости, а иногда противъ пу-

стыхъ словъ, противъ простыхъ воробьиныхъ пугалъ. Мудрецы XIX-го вѣка часто строили свои зданія на непадежныхъ фундаментахъ, на принципахъ, которые они объявляли безсмертными потому только, что извлекали изъ нихъ выгоду. Грубые здоровяки Киплинга и Горькаго, служа твореніямъ силы, безразлично—имперіализму или революціи, однимъ пинкомъ низвергаютъ эти зданія; они говорятъ мудрымъ доктринерамъ, издѣваясь надъ ними: назадъ, старики! Міръ—нашъ! Теперь мы въ немъ будемъ распоряжаться, какъ прежде распоряжались вы. Будутъ и у насъ свои Дантоны и Робеспьеры, быть можетъ, Бонапарты и Бисмарки: развѣ они въ меньшей степени будутъ учредителями права, чѣмъ ваши герои?—Смотри теорію Маякина.

Такимъ-то образомъ, на закатѣ вѣка, столь гордаго тѣмъ свѣтомъ, которымъ онъ озарялся, въ тотъ моментъ, когда этотъ вѣкъ умиралъ, оставляя людямъ завѣтъ братства и солидарности, налетѣла стая молодыхъ ястребовъ и кружится въ сумеркахъ: и ихъ рѣзкіе крики заглушили мирныя рѣчи умирающаго, ихъ когти готовы разорвать добычу, они призываютъ бурные

вѣтры, чтобы въ борьбѣ съ ними испробовать силу своихъ крыльевъ. Въ литературномъ небѣ только и слышно, что ихъ шумъ и взгляды устремляются къ нимъ съ безпокойной надеждой.

Они вѣдь утверждаютъ, что обладаютъ тайной жизни, заключающейся будто бы въ силѣ. Человѣчество увѣряетъ себя, что прежніе его наставники ослабили его, хотя и просвѣтили; оно проникается отвращеніемъ къ своей добродѣтели и обращается къ новой приманкѣ.

Да, но это поэтическія грезы, безъ всякаго вліянія на ходъ вещей,—скажутъ люди здраваго ума или считающіе себя обладателями такового. Можетъ быть. Только это былъ бы первый случай въ исторіи, что безсознательное соглашеніе многихъ писателей, и притомъ столь популярныхъ, писателей, истолковывающихъ живыя чувства людей,—остается безъ вліянія на соціальную эволюцію, на таинные факты, знаменующіе ее.

Максимъ Горькій одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ Россіи и самый извѣстный представитель столь распространнаго состоянія умовъ. Мнѣ кажется, что такое

исключительное положеніе молодого романтика оправдываетъ глубокое изученіе его твореній. Или, быть можетъ, я былъ одураченъ этимъ обаяніемъ таланта, не поддаться которому невозможно? Я бы не жалѣлъ о своей ошибкѣ; это еще лучшій случай быть одураченнымъ. Я приступилъ къ этому изученію безъ всякой предвзятой мысли, уступая эмоціямъ, когда искусство писателя порождало ихъ, и реагируя противъ нихъ, когда умъ повелѣвалъ мнѣ анализировать мое удовольствіе. Это удовольствіе было бы сильнѣе, если бы умышленный пессимизмъ автора не омрачилъ того представленія, которое я сохранилъ о Россіи и о ея народѣ. Кузьма, говоритъ мельникъ въ разсказѣ *Тоска* своему засыпщику,

> Легкій ты, ровно вотъ пузырь, что выдуваетъ мой Митька.

Горькій хотѣлъ насъ увѣрить, что онъ самъ, его идеи, люди, о которыхъ онъ говоритъ и которые его слушаютъ, представляютъ собою точно также пузыри, которые тысячами вскакиваютъ и лопаются на поверхности стоячаго болота, уснувшаго подъ сводами русскаго лѣса.—Но мы не повѣримъ этому. Пусть онъ будетъ са-

мымъ яркимъ представителемъ большинства своихъ собратій, всѣхъ умовъ, соблазненныхъ его словомъ,—я остаюсь при прежнемъ убѣжденіи. Если русскіе писатели, даже второстепенные, такъ живо возбуждаютъ наше любопытство, такъ это потому, что они болѣе, чѣмъ кто бы ни было, выражаютъ собою состояніе наибольшаго числа душъ. Въ этомъ союзѣ людей, еще мало дифференцировавшихся, хорошо освѣщенный пузырь отражаетъ въ себѣ образъ многихъ другихъ. Но тотъ пузырь, который занимаетъ насъ сейчасъ, окрашенъ радужными цвѣтами, природа выдула его въ счастливый часъ; пожелаемъ, чтобы онъ отвердѣлъ, расширился и поднялся. Горькій подымется выше, если захочетъ воспользоваться наслѣдіемъ, оставленнымъ ему его великими предшественниками.

Я воображаю себѣ Льва Толстого пишущимъ этому молодому человѣку съ своего одра болѣзни то удивительное письмо, которое онъ самъ получилъ отъ стараго Тургенева, какъ передачу власти надъ умами: „мой другъ, вашъ даръ пришелъ къ вамъ оттуда, откуда все приходитъ къ намъ“. Или Россія слишкомъ измѣнилась, или

Горькому приходится иногда выслушивать просьбу изъ устъ даже самыхъ фанатическихъ своихъ поклонниковъ,—просьбу, съ которой нѣкогда обратился къ нему его пріятель Коноваловъ: Максимъ! давай въ небо смотрѣть.

Eugéne Melchior de Voguë.

Н. Гос. Ун-т
Научная библиотека
им. Горького

1p2 16
12 19
1 8
11 16